

ЛЕДИ ФЕНИКС

The background of the entire cover is a vibrant blue sky with soft, wispy white clouds. In the center, a human hand is shown from the wrist up, palm facing forward, holding a small cluster of white, five-petaled flowers with green leaves. Below the hand, a large, detailed phoenix feather is visible, featuring a dark, circular base with a golden ring and long, flowing, reddish-brown barbs that appear to be catching fire or glowing with a golden light. The author's name is printed in large, bold, magenta letters with a white outline, positioned over the lower part of the hand and the feather.

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
Леди Феникс
Серия «Ольга Рязанцева», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140045*

*Леди Феникс: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19017-1, 978-5-699-21744-1*

Аннотация

Ольга Рязанцева не может разобраться в своих чувствах: ждет ребенка от одного мужчины, живет и работает у другого, а третий любимый и вовсе исчез в водовороте жизни. Волею судьбы она оказалась втянута в расследование двух преступлений, на первый взгляд, не связанных между собой. Но дело принимает серьезный оборот – есть уже три трупа! И главное, один из убитых работал на отца ее ребенка, крупного бизнесмена Тимура Тагаева. Ольга понимает – в ее родном городе вот-вот должно случиться какое-то очень страшное и опасное событие, но она и не подозревает, что действующими лицами этой игры станут три ее мужчины, а на кону стоит ее жизнь...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Татьяна Полякова

Леди Феникс

*«Берег встретит героя,
Берег встретит врага,
Нас всегда было двое,
А теперь только я».*
«Берег». В Бутусов

Паренька было жаль. Он голосил так отчаянно, с такой обидой смотрел на мир, что мог разжалобить более жестокосердное существо, нежели я. Тут выяснилось, что подобных существ немного: похоже, никто, кроме меня, не обратил внимания на бедственное положение мальчишки. Народ сновал по площади туда-сюда, занятый своими проблемами и, казалось, вообще ничего не замечал вокруг.

Десять минут назад я влилась в толпу, оставив свою машину в переулке. У меня была назначена встреча в кафе на Дворянской, а эта улица с некоторых пор стала пешеходной зоной, так что попасть туда я могла только на своих двоих. С унылым видом, глядя на себе подобных, я шла через площадь, когда там появилась компания подростков на роликах. Они быстро двигались, рассекая толпу, траектории их сходились, расходились и вновь соединялись, а по толпе прошел ропот недовольства, потому что ребята на роликах кру-

жили по площади не просто так, а с целью, которую правоохранительные органы охарактеризовали бы как мелкое хулиганство: кого-то толкнут, с кого-то сорвут бейсболку, а вот у вопящего паренька вырвали из рук мобильный. Он шел неподалеку от меня и болтал по телефону, когда рядом возник тип на роликах, в свитере с большим воротом, натянутым на нос, и в бейсболке, прикрывавшей верхнюю часть лица, так что разглядеть физиономию парня было невозможно, вырвал трубку из рук мальчишки и через мгновение скрылся с глаз, оставив в душе недавнего обладателя мобильного обиду на судьбу и попранное чувство справедливости. Пареньку на вид было лет десять, и впереди его ждала долгая жизнь, в которой обидам места хватит, и мне ничто не мешало двигать дальше, посетовав на уличное безобразие, но я подошла к нему и со вздохом спросила:

– Ну и чего ты вопишь?

Он закрыл рот и взглянул на меня с откровенной надеждой, готовясь переложить на мои плечи свои проблемы, размазал по щекам слезы и ответил:

– Мобильный украли.

– Вижу, что украли, – опять вздохнула я и кивнула. – Идем.

– Куда?

– В милицию, конечно.

– В милицию? – растерялся он. – Зачем?

– Заявление писать.

Отделение милиции располагалось в переулке неподалеку. По дороге паренек, которого звали Ваней, торопливо и довольно бестолково поведал мне историю утраты мобильного телефона. Если учесть, что я была свидетелем данного события, история особого впечатления не произвела.

В отделении мы долго сновали от одного кабинета к другому, пока какой-то милиционер вдруг меня не узнал.

– Что случилось-то? – поинтересовался он с печалью в голосе, мое присутствие в коридорах родного отделения счастливее его отнюдь не сделало.

– У Ваньки мобильный украли. Вырвал из рук парень на роликах на площади.

– А-а... – кивнул он. – Опять эти роллеры.

– Что, очень досаждают? – спросила я. Он пожал плечами.

– Да не то чтобы очень, но бывает. Три заявления уже есть, каждый раз одно и то же: выхватывают из рук мобильный – и деру.

– Но если три заявления уже есть, пора бы принять меры, – без особой уверенности произнесла я. Слуга закона опять пожал плечами.

– Пора, конечно, только разве их поймашь? Они то в одном конце города возникнут, то в другом... На площади детни на роликах всегда полно, отличить грабителей от тех, кто просто катается, невозможно. Если установить здесь пост, то конечно... но это сколько людей надо, а у нас полно дел посерьезнее, чем всякую шпану ловить.

– Ясно, – кивнула я. – Заявление примете?

– Конечно, – порадовал он, разведя руками.

Минут десять ушло на заявление. Ванька, который поначалу оживился и смотрел по сторонам с интересом, свято веря, что взрослые дяди и тети, в большом количестве проходящие мимо, моментально бросятся искать его телефон, понемногу сник, сообразив, что особо никто не пошевелится. Когда заявление было написано и мы покинули кабинет, он с грустью спросил:

– И что теперь? – взгляд его был суров, хоть и обращен не по адресу. А мне вдруг стало стыдно, хотя ловить шпану на улицах в мои обязанности никогда не входило.

– Если парня отыщут... – начала я и замолчала.

– И ничего сделать нельзя? – с душевной болью поинтересовался он.

– Видишь ли...

– Мне отец телефон подарил, – он не сдержался и заревел, отворачиваясь от меня.

– Понимаю. Объяснишь ему, в чем дело.

– Не объясню, – вытерев слезы кулаком, буркнул парнишка. – Его убили.

– Кто? – растерялась я.

– Пьяный дядька на машине. Сбил и уехал. Отца спасти можно было, так мама сказала, но его только утром нашли.

– Да, – вздохнула я. – История. Дядьку пьяного отыскиали?

Он кивнул и вновь отвернулся.

– Ладно, найду я твой телефон, – сказала я. Теперь он смотрел внимательно, но все еще с сомнением.

– Найдете?

– Найду.

– Вы что, в милиции работаете?

– Вроде того. Будут новости – позвоню. До дома доберешься или подвезти?

– Доберусь.

– Тогда до встречи.

Я пошла по коридору, но он окликнул меня.

– А вас как зовут?

– Ольга, – ответила я, оборачиваясь. – Ольга Рязанцева.

Проще всего было отправиться в ближайший магазин и купить телефон той же модели. Немного корпус покарябать, чтобы Ванька с уверенностью не мог сказать, его вещь или нет, и, сделав доброе дело, спать себе спокойно в надежде, что оно где-то там зачтется. Но... Дед бы наверняка сказал, что мне просто нечем себя занять. Должно быть, так и есть, потому что я твердо вознамерилась найти телефон, тот самый, который Ваньке подарил погибший отец.

Покинув отделение, я пересекла площадь и вышла на Дворянскую, безнадежно опоздав на встречу. Впрочем, не очень-то это меня беспокоило. Еще находясь в милиции, я предупредила пресс-секретаря фирмы «Лорен», что звезды воспрепятствовали нашему свиданию, и получила заве-

рения, что он все прекрасно понимает и встретится со мной в любое удобное для меня время. В этом я не сомневалась. Хозяйева фирмы «Лорен» в решении своих проблем очень рассчитывали на поддержку Деда (отнюдь не безвозмездную, надо сказать), а пока довольно усердно «окучивали» меня. Весть о том, что любящие сердца соединились и мы теперь с Дедом живем одним домом, быстро распространилась среди тех, кто считал необходимым знать такие вещи, и мой личный рейтинг взлетел в заоблачные выси. Будь я чуть глупей, могла бы возгордиться.

Дед в наших краях являлся единовластным хозяином, а слыл ловеласом, что в глазах избирателей по неведомой причине было скорее достоинством. В конце концов, мог себе позволить, раз давно ходит во вдовцах. О его победах рассказывали с хитрой улыбкой и с дурацким подмигиванием, присочиняя на ходу, а иногда откровенно фантазируя. Но даже самым безупречным фантазиям было далеко до реального положения дел: все особи женского пола, хоть чем-то выделяющиеся из серой массы, были Дедом замечены и обласканы, и с каждой он умудрялся расстаться так, что дамы и через год, и через два, и даже через десяток лет готовы были примчаться к нему по первому зову и совершить в его честь что-нибудь глупое и героическое.

Вот таков был наш Дед, уже довольно давно облюбовавший дом с колоннами и, судя по всему, не собиравшийся его покидать. Злые языки утверждали, что он умрет на бо-

евом посту как генсеки в незапамятные времена. Сам Дед о такой перспективе говорил туманно и без охоты, но планов у него было громадье, а здоровье отменное, так что, возможно, злопыхатели правы. С Дедом (это прозвище прочно утвердилось за ним еще с тех пор, когда он не был первым человеком в наших краях, а являлся успешным предпринимателем) нас связывали давние и весьма непростые отношения. Когда-то я была влюблена в него, потом вроде бы ненавидела. Теперь он был единственным близким мне человеком, хотя еще несколько месяцев назад я подумывала связать свою судьбу с Тимуром Тагаевым, несмотря на то, что наше совместное существование особо радостным назвать было трудно.

Данному решению способствовал тот факт, что мне через некоторое время предстояло стать матерью, но Тимуру я рассказать об этом не успела, потому что он как раз в тот момент вознамерился выпустить меня на свободу, по его собственным словам. Свободу я встретила без энтузиазма, но об интересном положении продолжала молчать. К тому моменту наши отношения так запутались, что лучшим из возможных решений было хотя бы некоторое время держаться друг от друга подальше. Вот тут появился Дед и весьма настойчиво предложил мне переехать к нему. Разрыв с Тагаевым оказался куда более болезненным, чем я могла предположить, и потому я согласилась. Так что теперь мы жили под одной крышей, но наши отношения носили исключительно цело-

мудренный характер. Дед продолжал изображать отца родного, а я – благодарное чадо. Черт знает почему мы не стали любовниками: может, он решил быть терпеливым и дать мне время во всем разобраться, а может, беременные бабы просто не вызывали у него желания. В любом случае меня это вполне устраивало.

Перебираясь на новое место жительства, я не очень-то верила, что задержусь здесь надолго. Прежде всего, Дед терпеть не мог моего Сашку, рыжую таксу со скверным характером, а Сашка, естественно, не жаловал Деда. Одного этого за глаза бы хватило, чтобы разъехаться в первую неделю, но оба, точно сговорившись, вели себя образцово. Дед соглашался с тем, что Сашка гениален, а тот в знак признательности приносил ему тапки, позволял себя гладить и даже вместе с ним смотрел телевизор. Повод скандалить отпал, не возникнув, и я у Деда задержалась. Месяц назад он, как бы между прочим, заметил, что до декретного отпуска мне еще далеко и я вполне могу выйти на работу. Надо сказать, что я все еще числилась его пресс-секретарем, хотя частенько об этом забывала.

На самом-то деле я была дамой для особых поручений, далеко не всегда приятных (если честно, приятных поручений я так и не смогла припомнить, хотя потратила на это целый вечер), но беременные бабы для такой работы малопригодны, по мнению все того же Деда. Так что ничего пакостного от судьбы в этом смысле я не ожидала, поразмышляла

немного и согласилась, в основном потому, что чужая квартира вгоняла в тоску. Работа помогает отвлечься, по утверждению психологов, вот так я и оказалась в родном кабинете, который, как выяснилось, все это время, пока мы с Дедом выясняли отношения, пустовал. Мое появление в доме с колоннами его свита восприняла сдержанно. Я уже пару раз уходила вроде бы навсегда, но потом возвращалась, и к моему мельканию успели привыкнуть.

Кабинет вызвал ностальгию вкупе с угрызениями совести. Угрызения в основном сводились к тому, что я знать не знала, что мне здесь делать. Я подозревала, что Дед желает видеть меня здесь по одной причине: боится, что от безделья я сотворю что-нибудь похуже, чем беременность от Тимура Тагаева, которого Дед упорно именовал «дворовой шпаной», хотя рука об руку с ним давно и основательно повышал собственное благосостояние.

Каждый день я являлась на работу, усердно занимаясь какой-нибудь ерундой, звонила десятку людей, вела какие-то переговоры... Мне было невозможно поверить, что в этом есть смысл, но огорчать Деда не хотелось, к тому же я уверяла себя, что несколько месяцев до ухода в декретный отпуск протянуть вполне способна.

Тимур, разумеется, знал о моем возвращении к прежней должности, и это его наверняка убедило в правильности собственного выбора, раз уж я сделала свой. Сама я тщательно избегала любых упоминаний о нем, и Дед, конечно, тоже по-

малкивал, так что оставалось лишь гадать, как Тагаев живет без меня, вздохнул с облегчением или бывая любовь все еще не дает ему покоя и мешает крепко спать по ночам.

Первый месяц после нашего разрыва я все чего-то ждала, к примеру, звонка по телефону с глупым вопросом «как дела?», но он не звонил, что меня совсем не удивляло. Хорошо его зная, я была уверена: он вычеркнул меня из своей жизни, но, несмотря на эту уверенность, ждать не перестала и тянула с переездом к Деду. Хотя ничто не мешало мне заглянуть к Тимуру в офис или в его ресторан и тоже задать дурацкий вопрос «как дела?», ведь расстались мы вполне дружески. Но в этом было столько же смысла, сколько в моем возвращении на работу. Потому эта идея так и осталась не претворенной в жизнь. Однако вопреки всякой логике я подолгу колесила по родному городу в тщетной надежде, что судьба возьмет да и сведет нас с Тимуром как бы между прочим и глупые вопросы не понадобятся. Но оказалось, что случайно встретиться в большом городе не так-то просто, тем более что Тагаев к встрече со мной отнюдь не стремился. В общем, я была свободна в полнейшем и грустнейшем смысле этого слова и уповала лишь на то, что вскоре моя жизнь изменится: родится ребенок, и в ней появится смысл, по крайней мере, я на это очень рассчитывала и даже убедила себя, что буду хорошей матерью. Тысячи людей вокруг живут так же, как и я: ходят на работу, с удивлением наблюдая, как весну сменяет лето, а лето осень, и не забивают голову размышлениями «есть ли

во всем этом какой-то смысл». Следовательно, и я обойдусь.

Вот так обстояли мои дела на момент внезапной встречи с Ванькой, и то, что я решила непременно отыскать его мобильный, объяснялось полной сумятицей в моих мыслях и чувствах, так что Дед оказался бы прав, узнай он о моем решении и вынеси вердикт: затеяла я это от безделья.

Вернувшись к своей машине, я посмотрела на часы и подумала: самое время заглянуть на работу и создать видимость кипучей деятельности, чтобы Дед порадовался, а общественность не сомневалась, что деньги я получаю не просто так.

Только я выехала на проспект, как заметила стайку роллеров. Рассекая толпу, они двигались в сторону цирка. Знакомый свитер и бейсболка мелькнули перед глазами, и я устремилась следом. Однако импровизированная погоня длилась всего несколько минут, ребята свернули в парк и, пока я нашла место для парковки, скрылись с глаз, но в какой-то момент передо мной вновь мелькнула фигура в свитере, лица парня я по-прежнему не видела, зато обратила внимание на кожаный рюкзачок с портретом Мао Цзедуна.

Когда я появилась в парке, он был тих и необитаем, а я досадливо чертыхнулась. Однако рюкзачок за спиной высокого худосочного парня давал слабую надежду, что встреча наша не последняя, являясь хоть и не бог весть какой, но зацепкой: такие рюкзаки продавались в салоне Кати Самохиной, известного в городе дизайнера. Парень, который мог

позволить себе купить вещь из ее коллекции, вряд ли особо нуждался, и воровать мобильные у прохожих ему явно ни к чему. Следовательно, я имею дело не с банальными ворюшками, а с детками, у которых адреналин в крови зашкаливает, а вот со здравым смыслом и прочим явные проблемы. Это вызвало досаду: мобильный он вполне мог выбросить в ближайшую урну, и Ванька лишится отцовского подарка. Злясь на неудачу, я вернулась к машине и поехала на работу. Охранник на входе бодро мне улыбнулся, я ответила улыбкой и упругой походкой направилась к лифту, демонстрируя таким образом желание служить Деду и народу из всех имеющихся сил.

Выйдя из лифта, я едва не столкнулась с Луганским, председателем нашего законодательного собрания. На этот пост он заступил недавно, но уже успел растерять большую часть своего оптимизма, который произвел на меня неизгладимое впечатление вкупе с удивлением: как такой человек умудрился оказаться в этом кресле? Луганскому не так давно исполнилось тридцать пять, и смысл своей жизни он видел в Служении Народу (оба слова с большой буквы). Самое смешное, что он был вполне искренен. Не перевелись еще на свете чудачки... Он получил прекрасное образование, стажировался в Англии, после чего вернулся на родину с намерением ее осчастливить. Родина к этому была не готова. Несмотря на сногшибательный оптимизм, Луганский это понял, что от благих порывов его не уберегло, и он подался в депута-

ты, лелея в душе надежду изменить жизнь к лучшему. Начинать следовало с законов, вот он и начал. Образование и стажировка в Англии создали ему репутацию шибко умного, что лишало его каких-либо шансов в предвыборной гонке. Этому сильно способствовали манеры Луганского, очки в золотой оправе и привычка употреблять слова и выражения, смысл которых по большей части населению был недоступен. Он заработал прозвище Хомяк из-за пухлых щек, успешно провалил одни выборы, но тут же выставил кандидатуру на другие. В пылу предвыборных баталий он так разошелся, что пару раз замахнулся на святое, то есть позволил себе критиковать самого Деда, впоследствии сам удивляясь своей отваге, и стал предметом бесконечных насмешек для всех, кто знал не понаслышке: тягаться с хозяином мог лишь слабоумный, к тому же начисто лишенный чувства самосохранения.

И тут всех поразил Дед, должно быть, решив, что подхалимы и лизоблюды портят его репутацию демократа и защитника угнетенных (Дед обожал время от времени обниматься со старушками и браться с рабочим классом и с этой целью не реже двух раз в год посещал предприятия, где дела шли относительно успешно), и открыто поддержал Луганского, причем особо указал на его мужество, честность и бескомпромиссность, после чего ошеломленное население, простив Луганскому его досадную образованность, проголосовало за него практически единогласно. Он уверился, что честный

человек способен добиться в этой жизни многого, чем окончательно подтвердил диагноз полоумного. К Деду он воспылал огромным уважением, говорил о нем с придыханием и практически в стихах, на что Дед, имея добрую душу, ответил реверансом, и Луганский в одночасье стал председателем Законодательного собрания. Щеки раздул еще больше и горел на работе, не щадя ни себя, ни других. Но вскоре энтузиазм начал таять на глазах. Хоть Луганского и считали недоумком, но дураком он отнюдь не был, и чем отечески-ласковее говорил с ним Дед, тем печальнее он становился.

Сейчас он возвращался из заветного кабинета, и сияния в его глазах практически не наблюдалось. Я хотела проشمыгнуть мимо, но он встал как вкопанный, посмотрел на меня и молвил:

– Надо поговорить.

– О чем? – удивилась я.

Но Луганский уже схватил меня за руку и повлек в бар. Здесь он взял две чашки чая, сунул в свою грустный нос и замолчал, а я запечалилась. Надо сказать, мы испытывали симпатию друг к другу. По моему мнению, он был хорошим парнем, который верил в то, что мир можно изменить к лучшему, я же ни во что не верила, но чужую веру уважала. В чем причина его симпатии ко мне, осталось тайной, должно быть, он увидел во мне что-то светлое, обладая лучшим зрением, чем я, хоть и носил очки. Как-то во время приема мы

оказались рядом и он, за неимением других слушателей, начал излагать свои идеи мне. Слушатель я благодарный, потому что ленива и сама особо болтать не люблю. Он увлекся, а я, против его ожиданий, не сбежала, он вызвался меня проводить, и мы продолжили беседу после приема, то есть он все говорил, а я весело трусила рядом, радуясь хорошей погоде и возможности размять ноги. В знак благодарности я познакомила его с Сашкой, и они друг другу понравились, после чего мы еще пару часов болтались в парке. С этого, собственно, и началась наша дружба.

Теперь, видя перед собой его унылую физиономию, я гадала, чего следует ожидать от жизни. Оказалось, ничего хорошего. Он поднял голову и заявил:

– Мне нужен твой совет.

– Я принципиально не даю советов, – потрясла я головой, а он нахмурился.

– Брось. Я серьезно.

– Я тоже. Советчик из меня никудышный, это каждый знает.

– Все знают, он к тебе прислушивается, – сказал Луганский, совершенно не обращая внимания на мои слова.

– Кто? – удивилась я.

– Дед. Поговори с ним.

– О чем? Слушай, давай я лучше дам тебе совет, совершенно бесполезный, но дружеский. Излагай, что тебя печалит, друг мой.

Он посмотрел внимательно и вздохнул.

– Я-то думал, что могу рассчитывать на тебя.

– Зря.

– Ты можешь говорить серьезно? – обиделся он.

– Наверное. Но пробовать не хочу.

– Мой сосед погиб неделю назад от передозировки. Мальчишке всего шестнадцать лет. Родители приличные люди...

– Бывает.

– Тебя это несколько не волнует? – разозлился он.

– Это твой сосед, а не мой. И каждый день кто-то умирает от передозировки.

– Вот-вот. А мы стоим в стороне и делаем вид, что это нас не касается.

– Чего ты от меня хочешь? – не выдержала я.

– У меня есть сведения, что кое-кто неплохо наживается на торговле наркотой в нашем городе, кое-кто из тех, кому с этим злом положено бороться.

Признаться, я икнула от неожиданности. Сохранить святую наивность, когда седи́на уже пробивается на висках, способен далеко не каждый, может, правы те, кто утверждал, что Луганский у нас недоумок?

– Ну и что? – вяло поинтересовалась я.

– Как это что? – возмутился он, а я вздохнула. – Наркотой торгуют в каждом ночном клубе, в подворотне, даже в школах, – горячо продолжал он. – Ты считаешь это нормальным?

– Не считаю. Вся страна с этим борется. И мы не отста-

ем. По показателям наша область в числе самых благополучных...

– Прекрати.

– Хорошо, давай чай пить.

– У меня есть сведения о причастности конкретных лиц... – не унимался он.

– И с этим ты ходил к Деду? – усмехнулась я.

Вопрос излишний, ответ читался на его физиономии. Дед наверняка разливался соловьем, горько сетовал, предлагал объединить усилия и заговорил его едва ли не до обморока, так что бедолага скорее всего забыл, зачем пришел, и очутился только в коридоре. Дед на такие штуки мастер, мне ли не знать.

– Я уверен, он не представляет, как скверно обстоят дела в действительности, – мрачно изрек Луганский.

«А вот это в корне неверно, – мысленно усмехнулась я. – Знает, и даже очень хорошо. И борется. По-своему. Например, следит за тем, чтобы его кровный процент не затерялся в чужих карманах. Страшная тайна, известная кое-кому, в том числе и мне. Разумеется, такому человеку, как Луганский, знать об этом не положено. С большого ума он таких дров наломает...»

– Хорошо, я с ним поговорю, – кивнула я. – Хотя уверена – это излишне. Он в курсе всех проблем региона, но покончить со злом можно лишь совместными усилиями после долгой изнурительной борьбы.

– Издеваешься? – буркнул Луганский.

– Нет. Не лез бы ты не в свое дело, для этого есть специально обученные люди. Кое-что у них получается. Недавно некие граждане лишились тепленьких мест, а Дед официально заявил, что с коррупцией в рядах вскоре будет покончено.

– Все-таки издеваешься, – кивнул он, поднялся и ушел, а я загрустила. Допила чай и отправилась к себе.

Не успела я с удобствами устроиться в родном кабинете, попутно пытаясь решить, чем себя занять в ближайшее время, как дверь открылась, и в комнату вошел Дед. Надо сказать, после моего водворения здесь он взял за правило заглядывать ко мне хотя бы раз в день. Может, моя физиономия повышала его работоспособность, а может, он просто желал убедиться, что никуда я не сбежала и отрабатываю потраченные на меня деньги.

– Привет, – сказал он, проходя к столу и устраиваясь в кресле, и добавил: – Прекрасно выглядишь.

Я согласно кивнула, не желая его расстраивать, хотя и в самом деле выглядела неплохо, однако женщины редко бывают абсолютно довольны своей внешностью, и я не исключение. Дед подумал и поцеловал меня в лоб по-отечески и после этого устроился в кресле основательно, а я заподозрила, что он не просто так пришел. Однако причину своего появления Дед открывать не спешил, и я тоже торопиться не стала.

– Что нового? – спросил он довольно равнодушно. Надо

полагать, вопрос был риторический. Дед обожает риторические вопросы, я, кстати, ничего против не имею, раз отвечать на них необязательно, но что-то все-таки сказать было надо, и я сообщила:

– В городе появилась банда подростков на роликах, тырят у прохожих мобильные.

Деду это сообщение по неведомой причине не понравилось.

– У тебя украли мобильный? – нахмурился он.

– У меня – нет. Но я была свидетелем данного безобразия.

– И что? – продолжил он хмуриться.

– Ничего, – пожала я плечами.

– Слава богу, я боялся, ты кинулась восстанавливать справедливость, забыв, что в твоём положении...

– Когда ты это говоришь, я чувствую себя смертельно больной.

– Я беспокоюсь за тебя, – вздохнул он и посверлил меня взглядом. – Ты давно виделась с Луганским? – мягко спросил он, но я насторожилась. Хорошо зная Деда, я предположила, что вопрос этот он задал не просто так.

– Только что, – ответила я. Дед взглянул исподлобья, словно прицениваясь. Иногда он забывался, вот как сейчас, и его взгляд становился до того жестким, что под ним невольно ерзать начинаешь, впрочем, для меня это пройденный этап.

– Кажется, он тебе доверяет, – заметил Дед.

– Непонятно почему, – кивнула я.

– Как раз понятно, – пожал он плечами. – У тебя репутация порядочного человека, далеко не каждый может похвастаться этим.

Его слова о моей репутации, признаться, удивили. Я-то думала, что меня считают в худшем случае алкоголичкой, а в лучшем – дурновоспитанной особой. Еще более странным показалось то, что Дед заговорил об этом, да еще в таком тоне, будто нимало не сомневался в том, что общественность на сей счет права.

– Спасибо на добром слове, – не зная, что ответить, сказала я и растянула рот в улыбке. Дед опять нахмурился.

– Не юродствуй.

– Не буду.

– Так что Луганский?

– В каком смысле?

Взгляд Деда посуровел еще больше, но тут он, должно быть, вспомнил о моем интересном положении и вздохнул.

– Он был у меня сегодня. Говорил дельные вещи. Правда, кое-что показалось мне преждевременным и даже неуместным.

– Ничего не могу сказать по этому поводу, – продолжая улыбаться, заметила я. – Мы выпили в баре чаю, но мне он ничего заслуживающего внимания не сказал.

Вряд ли Дед мне поверил, несмотря на то что взгляд мой был открытым, а улыбка максимально искренней, и, между прочим, зря не поверил: с моей точки зрения, Луганский

действительно не сказал ничего толкового.

— Бог с ним, — легко отмахнулся Дед, то ли Луганский мало его заботил, то ли он понял, что разговор со мной ничего не даст. — У меня к тебе просьба, личная, — он вздохнул и сделал паузу, а я продемонстрировала сильнейшую заинтересованность. — Ко мне обратилась моя знакомая, ты ее должна помнить, Максимова Ирина Николаевна.

— Константиновна, — поправила я.

— Да, конечно.

Максимова Ирина Константиновна работала в фирме Деда в те времена, когда он еще не был «нашим всем», а являлся успешным бизнесменом. Высокая красивая брюнетка была умна и обаятельна, разумеется, Дед не мог не обратить на нее внимания, а она не могла ему отказать в большой любви. Дед действовал на женщин всегда одинаково, независимо от того, брюнетки они или блондинки, дуры или умные. Все, как одна, готовы были любить его всю жизнь, но он от подобных идей в восторг не приходил, им надлежало довольствоваться его весьма непродолжительным вниманием, однако, как я уже говорила, Дед умудрялся с каждой расстаться дружески, хотя это зачастую и стоило ему больших нервов. Максимова, помнится, развелась с мужем, после отставки пыталась отравиться и до сих пор живет одна, чем и запомнилась мне, в отличие от двух десятков других возлюбленных Деда, которые начисто стерлись из памяти.

Я взглянула на Деда: время идет, а он как будто не меня-

ется. Спина прямая, плечи расправлены, подтянутый, бодрый, морщинки вокруг глаз выглядят очень сексуально, а седая шевелюра придает его облику благородство. Следует признать, Дед, несмотря на то что свое шестидесятилетие уже отпраздновал, до сих пор завидный жених.

– Так вот, – продолжал он. – Там какая-то странная история с сестрой. Был бы тебе очень признателен, разберись ты, в чем дело. – Дед выдал свою предвыборную улыбку, и стало ясно, что мне от задания не отвертеться.

– Хорошо, – без энтузиазма согласилась я. – А в чем, собственно, дело?

– Да я и сам толком не знаю. Вот ее телефон, встретиться и разберись.

С этими словами он поднялся, еще раз поцеловал меня в лоб и удалился. А я задумалась. Дед никогда не отказывал бывшим пассиям в помощи и поддержке, но у меня закралось подозрение, что в данном случае мне злостно пудрят мозги. Дело наверняка яйца выеденного не стоит, но я буду занята, и мысли мои тоже. Тут я вспомнила о Луганском и загрустила. Но бумагу с номером телефона Максимовой сунула в карман. В принципе, я могла позвонить ей прямо сейчас, однако решила, что это подождет. Для начала я хотела разобраться с Ванькой, точнее, с роллерами, потому и отправилась через полчаса в салон Кати Самохиной. Он располагался в самом центре на бойком месте между двумя торговыми центрами. Золотые буквы на фасаде, в огромной вит-

рине четыре манекена, выкрашенные в зелено-золотой цвет, представляли последнюю коллекцию. Я задержалась перед витриной, удовлетворенно кивнула и вошла в салон.

Две девушки бросились ко мне с приветствиями, за неимением других посетителей, всю свою любовь излив на меня. Надо сказать, меня здесь хорошо знали. Я не только покупала у Кати сумки, ремни и прочие мелочи, в нарядах от Самохиной я неоднократно появлялась в обществе: одни считали это большим личным мужеством, другие – белой горячкой.

Пока девушки щебетали, из-за стеклянной двери показалась Кати, так как я числилась в клиентах, которыми занималась сама хозяйка.

– Рада вас видеть, – сказала она, протягивая мне руку, которую я пожала. Самохина произносила свое имя с ударением на последний слог и вообще тяготела к экзотике. Глаза подведены и зрительно вытянуты к вискам, черные волосы, прямые и жесткие, падали на плечи, делая ее похожей на египтянку и женщину-кошку одновременно. Повадки у нее тоже кошачьи. Она была невысокой, полноватой, но, благодаря неустанной работе над собой выглядела интригующе и, безусловно, элегантно.

– Кофе, чай? – предложила хозяйка.

– Чай, – кивнула я, и мы прошли в небольшой кабинет рядом с залом, где Кати любила беседовать с клиентами. Девушка принесла нам чай, Кати сделала несколько глотков и

только после этого поинтересовалась, не хотела бы я посмотреть ее коллекцию?

– Разумеется, – улыбнулась я. – За этим и приехала.

Следующие полчаса прошли с несомненной пользой. Как все женщины, я обожала тряпки и время, потраченное на них, никогда потерянным не считала. Кати вдруг улыбнулась и спросила:

– Я не ошибаюсь, вы в положении?

– Очень заметно? – поинтересовалась я.

– Ну... – она пожала плечами. – Скоро скрыть это точно будет затруднительно. Впрочем, я не считаю, что это надо скрывать.

– Я тоже, – согласилась я и внезапно подумала о Тагаеве. Он-то как отнесется к моему интересному положению, когда узнает?

Мы прошли в зал и занялись коллекцией. Наконец я решила, что могу задать интересующий меня вопрос, и спросила:

– У вас были симпатичные рюкзачки, осталось что-нибудь?

– Да. Вот, пожалуйста.

Мы прошли к витрине с рюкзаками, я указала на тот, что с портретом Мао, и вновь спросила:

– Хорошо расходятся?

– Не очень, – улыбнулась Кати. – Предпочитают Че Гевару.

– Но кто-то все-таки купил?

– Если честно, мы продали всего два рюкзака.

– Кому? – Я улыбнулась, а Кати настороженно замерла.

– Вы ведь не просто так спрашиваете? – через некоторое время, в продолжение которого я увлеченно разглядывала рюкзак, спросила она.

– Не просто, – еще шире улыбнулась я, поворачиваясь к ней.

– А можно узнать, в чем дело?

– В городе появилась компания подростков на роликовых коньках, забавляются тем, что выхватывают из рук прохожих мобильные.

– А при чем здесь рюкзак с Мао?

– У одного из парней был такой рюкзак.

– Этого не может быть, – возмущенно воскликнула она, а я пожала плечами.

– Почему же? – и внимательно посмотрела на нее. Мой взгляд ее смутил, она поспешно отступила на пару шагов, отвернулась и далее продолжала разговор, стоя практически ко мне спиной.

– Я уже сказала, что таких рюкзаков продали только два, и оба купили не наши постоянные клиенты. Так что ни я, ни мои девочки их не знают.

Я видела, что она лжет. Особой наблюдательности и знания психологии здесь не требовалось. Врать она не умела, к тому же сильно нервничала, так что все последующее не

явилось для меня неожиданностью. А произошло вот что: дверь, ведущая в небольшое офисное помещение, распахнулась, и в зал вошел молодой человек, он был без рюкзака и бейсболки, зато все в том же свитере. С интересом взглянул на меня и улыбнулся. Вне всякого сомнения, он меня не узнал, потому что просто не видел в толпе на площади. Я широко улыбнулась в ответ, взгляд Кати метнулся от меня к парню, и она вроде бы успокоилась.

– Мама, ты занята? – спросил парень.

– Да, подожди в кабинете, – кивнула она. Он вновь улыбнулся мне и ушел, а я спросила:

– Сын?

– Да.

– Как зовут?

– Влад. – Она все-таки забеспокоилась, но мой открытый взгляд особой настороженности у нее не вызвал, и она заговорила охотнее. – Учится в колледже. Собирается стать дизайнером.

– Неудивительно, – пожала я плечами. – Что ж, спасибо. Мне, пожалуй, пора.

Я направилась к двери, Кати меня проводила, осторожно косясь в мою сторону, должно быть, пыталась отгадать мои мысли. Я помахала ей рукой на прощание, демонстрируя дружелюбие. Сев в машину, проехала в ближайший переулок и оттуда пешком отправилась назад. Судя по всему, центральным входом Влад вряд ли воспользуется. Я сверну-

ла во двор, где был вход в салон для сотрудников, и устроилась на скамейке неподалеку.

Через полчаса дверь открылась и появился Влад. Я свистнула, привлекая его внимание, он повернул голову и, увидев меня, в первый момент хотел сорваться в бег. Я даже слегка приподнялась, готовясь последовать за ним, но здравый смысл у парня был, и он весьма неохотно направился ко мне, подавив недавнее желание в зародыше.

Он хмуро плюхнулся рядом. Чувствовалось, что эмоции его переполняют, наверняка разговор в матью особо Влада не порадовал, а тут еще я.

– Это что-то вроде протеста? – проявила я любопытство. По большому счету, этот парень и его порывы вовсе меня не интересовали. Я просто хотела, чтобы Ванька получил назад свой мобильный.

– Что? – буркнул он. Стало ясно, Влад предпочитает валить дурака, а у меня на это не было ни времени, ни желания.

– Парню телефон надо вернуть.

– Какой еще телефон?

– Слушай, протестант хренов, – ласково сказала я. – Мать тебя наверняка просветила, что я способна реально испортить тебе жизнь? Так вот. Она меня недооценивает. Бытует мнение, что я редкая стерва, и в этом вопросе я людям склонна верить. Повторяю еще раз: телефон надо вернуть. Мне плевать, как ты это сделаешь, но вернуть следует уже сегодня.

Я поднялась с намерением покинуть двор, но тут Влад обрел голос.

– Он что, ваш родственник?

– Мы познакомились через пару минут после того, как ты совершил свой подвиг. – При слове «подвиг» Влад невольно поморщился, а я подумала, что он еще не безнадежен, и оттого добавила: – Просто мне не нравится, когда такие, как ты, грабят детей на улице.

– Мне этот телефон... – покраснев, взвился он.

– Тем более, – перебила я. – Тебе хотелось подурачиться, а для пацана это не просто мобильный, это память об отце, которого он лишился. Уверена, тебя такими вещами не разжалобить, оттого на чувства я давить не собираюсь, просто ставлю задачу: верни телефон сегодня. Если ты его выбросил, это ничего не меняет.

– Я могу купить ему мобильник покруче, – съязвил он.

– На мамашины деньги? Конечно, можешь, и я могу, причем на свои. Но парню нужен тот, что подарил ему отец. – Я направилась со двора, Влад поднялся со скамьи и крикнул вдогонку:

– А если нет?

Я выдала улыбку, припасенную специально для журналистов и вот таких случаев, и ускорила шаг.

На душе было скверно, и причину скверного настроения я не знала. Вряд ли встреча с этим маменькиным сынком так на меня подействовала. В жизни встречаются типы и похуже.

Телефон он наверняка выбросил... и в самом деле, зачем он ему? Но в здравом смысле парня я не сомневалась, такие, как он, со здравым смыслом начинают дружить, лишь только речь заходит об их благополучии, так что придется ему порыскать по мусорным контейнерам или другим малоприятным местам. Конечно, он может купить телефон, но в этом случае ему придется убедить Ваньку, что он тот самый. А если Влад все же наплюет на мои слова? Неужто я в самом деле начну активно ему пакостить? Вот тут и выяснилась причина скверного настроения: пакостить не хотелось. У него мама талантливая, маму жалко, да и он, наверное, неплохой парень... Вот так всегда, то маму жалко, то зажавшегося мамиными деньгами оболтуса. А всякого дерьма в мире становится все больше и больше. В те времена, когда я любила читать книжки, на меня произвели впечатление слова одного умника. Кажется, Аристотель предлагал тех, кто во времена гражданской смуты соблюдает нейтралитет, считать худшими из преступников и казнить. Тогда это показалось мне неоправданно жестоким и даже лишенным смысла. А вот теперь я склонна согласиться с древним греком. Больше всего зла исходит от тех, кто не принимает ничью сторону. Мир катится себе к чертям собачьим, а мы тешим себя иллюзией, что мы тут ни при чем. Очень даже при чем. Если Влад не вернет телефон сегодня, я схвачу его за руку на очередном развлечении, пусть даже мне придется с утра до ночи болтаться за ним по городу, а схватив за руку, наплюю на доб-

рые отношения с матерью и приложу максимум усилий, чтобы отправить его в тюрьму, что, безусловно, позволит моим злопыхателям к словам «редкая стерва» добавить еще что-нибудь нелицеприятное, и это будет моим малым вкладом в мировую гармонию.

Странное дело, на душе полегчало и, подходя к машине, я уже не терзалась сомнениями, а смотрела на мир с симпатией, хотя и без особого оптимизма. Теперь можно встретиться и с бывшей пассией Деда. Я набрала номер телефона Максимовой и услышала ее голос.

– Слушаю.

– Ирина Константиновна, это Рязанцева.

– Здравствуйте, Оленька.

Я расплылась в улыбке, мало кому приходило в голову называть меня так, тем приятнее это оказалось.

– Игорь Николаевич просил встретиться с вами.

– Да-да, спасибо, что позвонили. Я очень беспокоюсь, речь идет о моей сестре, и я понятия не имею... Извините, моя извечная болтливость. Когда мы можем встретиться?

– Хоть сейчас.

– Отлично. Я нахожусь в магазине на углу Столетова и Герцена, здесь прекрасное кафе...

– Буду через пятнадцать минут.

Все столики в кафе были свободны, Максимова сидела неподалеку от стойки и курила, поглядывая на входную

дверь. Увидев меня, улыбнулась и помахала рукой. Ей было около пятидесяти, и она не скрывала своего возраста, что не мешало ей отлично выглядеть. Высокая, с прекрасной фигурой и милым улыбочивым лицом, она неизменно вызывала симпатию, в том числе и у меня.

– Господи, Оленька, как роскошно вы выглядите, – всплеснула она руками, поднялась и меня поцеловала. – Просто расцвели. Счастье украшает женщину.

Только я собралась задаться вопросом, что за счастье такое меня постигло, как пришло озарение: Ирина Константиновна наверняка в курсе, что мы с Дедом живем теперь вместе, слились в экстазе, так сказать, а что это, если не счастье? Надо хмурить лоб, иначе вся женская часть города начнет мне завидовать чего доброго.

– Как ваши дела? – продолжала она, пожимая мне руку.

– Отлично. Я могла бы рассказывать о них часами, но боюсь вас утомить. Так что лучше поговорим о вашей сестре.

– Да, конечно. Конечно, – повторила она и, посерьезнев, замолчала. Должно быть, собиралась с мыслями или решала, с чего начать. Это позволило мне сделать заказ, после чего я со всем вниманием приготовилась слушать. – Даже не знаю, как объяснить, – пожала она плечами. – Моя сестра Зотова Нина Константиновна... Вы знакомы?

– Нет, – покачала я головой.

– Ее покойный муж был президентом банка.

– Григорий Петрович?

– Да-да. Вы знаете, он умер год назад. Он оставил Нине с дочкой очень неплохие деньги, поэтому я и решила... что, возможно, сестру шантажируют, – выпалила она, посмотрела на меня виновато и замолчала.

– Ирина Константиновна, давайте-ка поподробнее. Почему вы так решили, и кто, по-вашему, может ее шантажировать.

– Если честно, я и сама не знаю. Если бы у меня были какие-то конкретные подозрения... Но я чувствую, происходит что-то странное. Нина очень изменилась. К тому же девица, что появилась у них в доме, ведет себя нахально.

– Какая девица? – терпеливо спросила я.

– В этом-то все и дело. Она племянница Григория Петровича, но я о ней совершенно ничего не слышала до недавнего времени, и Нина, уверена, тоже. Григорий Петрович сирота, его родители погибли, когда ему было восемь лет, и воспитывала его бабушка. Она умерла много лет назад. Никаких других родственников у него не было. По крайней мере, мы ничего о них не знали. Ни на свадьбе Гриши и Нины, ни позднее, все двадцать три года их совместной жизни, никто из родственников никогда не появлялся. И вдруг через полгода после смерти Гриши приезжает эта девица. Якобы она дочь двоюродной Гришиной сестры.

– Она что, претендует на наследство?

– Вроде бы нет. Да это и невозможно. Все перешло жене и дочери, а двоюродная племянница – это не близкая родня,

так что претендовать...

– Тогда что вас беспокоит?

– Я уверена, она – самозванка.

– Допустим. Но это нетрудно проверить.

– В том-то и дело, Нина ничего об этом слышать не хочет.

Утверждает, что эта Юля Бокова – племянница Гриши, поселила ее в своем доме, помогла поступить в университет, теперь, судя по всему, Юля будет жить у нее как минимум пять лет.

– Если вашу сестру это устраивает...

– Оля, я же вижу, с сестрой что-то происходит. Она очень ласкова с этой девчонкой, иногда в ущерб родной дочери, но... Нина страдает. Меня не обманешь, я очень хорошо знаю свою сестру. Юля никакая не племянница, вообще неизвестно, откуда она взялась.

– Но ваша сестра утверждает, что она родственница ее мужа?

– Вот именно. Поэтому я и решила, что сестру кто-то шантажирует и девицу ей эту подсунули неспроста. Понимаете?

– Более или менее, – пожала я плечами.

– Разговаривать со мной на эту тему сестра отказывается, я беседовала с Леночкой, это ее дочь, она тоже ничего не понимает, но ее мать точно околдовали, она держит эту девицу в доме, хотя той ничего не мешает жить в общежитии. Накупила ей всяких тряпок, дает деньги... Вчера заговорила о покупке машины. Видите ли, Юле далеко ездить в универ-

ситет. Просто невероятно.

— Да, любовь к племяннице покойного мужа действительно невероятная, — кивнула я.

— Вот-вот. А еще этот тип, — не дожидаясь моего вопроса, начала она объяснять. — Я встретила его в доме сестры примерно за неделю до того, как там появилась Юля. Приехала к сестре и в дверях столкнулась с мужчиной лет шестидесяти, физиономия... знаете, такая... скверная, одним словом. Он как-то заискивающе мне поклонился, а взгляд у него был... точно у этого типа камень за пазухой. Я тогда удивилась: кто это? Всех знакомых сестры я хорошо знаю, мы с ней очень дружны, так что... Я подумала, может, это какой-нибудь мастер, телевизор, к примеру, сломался... Я собиралась спросить у Нины, кто он такой, но она была в таком состоянии... С похорон мужа я не видела ничего подобного. Она была просто раздавлена, понимаете? И ничего не хотела объяснять. Твердила одно: все нормально. А потом появилась эта Юля. И поведение сестры стало очень странным, а ничего объяснять она по-прежнему не желает. Но ведь должна быть этому причина? Я не знала, к кому обратиться, и в конце концов позвонила Игорю... Николаевичу, — поспешно добавила она, быстро взглянув на меня. — А он сказал, что вы непременно поможете. Оленька, я очень на вас надеюсь, — вздохнула она и вновь пожала мою руку. — Вы же понимаете, в милицию с такой историей не пойдешь, они попросту отмахнутся, а потом... я боюсь. Поведению сестры я нашла

лишь одно внятное объяснение: шантаж. И если я обращаюсь в милицию... не сделать бы еще хуже. Понимаете?

– Вы совершенно правы, в милиции вряд ли впечатлятся вашей историей. У них без того дел полно. Хорошо, попробуем что-нибудь узнать об этой девушке. Юлия Бокова? Сколько ей лет? Откуда она приехала?

– Из Екатеринбурга. Ей двадцать лет. Знаете, что я подумала? Может быть, вы сами оцените обстановку? Вдруг я... как бы это сказать... преувеличиваю? Если вы скажете, что ничего подозрительного не заметили... я буду только рада.

– Хорошо, – кивнула я. – Но как вы себе это представляете?

– Да очень просто. Мы сейчас поедem к моей сестре. – Ирина Константиновна взглянула на часы. – Вас я представлю своей знакомой. Сестра не будет задавать вопросов, гостям она всегда рада. Ну что? – улыбнулась она.

– Вы на машине?

– Нет, на такси приехала.

– Тогда прошу со мной. Как выглядел мужчина, с которым вы столкнулись в доме сестры? – спросила я уже по дороге. – Сможете его описать?

– Смогу, – кивнула она. – Лет шестидесяти, невысокий, полный, лицо одутловатое, брови... густые, смешно торчат, глаза светлые и взгляд... колючий. А рот маленький, совсем не подходит такому лицу, я еще подумала, рот у него бабий. Одет был просто, брюки, дешевый свитер и сверху куртка,

поношенная. Так выглядят старички на пенсии, но для пенсионера у него был очень властный взгляд. И на дом сестры он смотрел так, точно думал: недолго вам тут жировать осталось. Вы можете решить, что я все выдумываю, но тогда мне казалось, что я читаю его мысли. Понимаете? Настолько откровенен был его взгляд.

Сестра Ирины Константиновны жила в фешенебельном районе у реки, правда, ее дом на фоне других, более напоминавших дворцы чокнутых правителей каких-нибудь африканских республик, выглядел скромно. Двухэтажный, с большой верандой, окруженный низким кованым заборчиком (соседи обнесли себя каменной стеной в два человеческих роста), ворота, калитка и кусты роз. Земля здесь была в дефиците, и дома жались друг к другу.

Я затормозила у ворот. Пока мы выбирались из машины, на крыльце появилась женщина. На первый взгляд никакого сходства с Ириной Константиновной, но когда она приблизилась, стало ясно: это и есть ее сестра, глаза были те же, а еще привычка улыбаться уголками губ.

– Здравствуй, – сказала она, целуя Ирину, и с любопытством посмотрела на меня.

– Ничего, что мы к тебе нагрязнули? Это Оля, работает у Игоря Николаевича. Мы встретились в магазине, она присматривает себе дом. Вот я и подумала, может, для начала стоит поговорить с тобой?

– Что ж, район хороший, соседи солидные, если цены здесь вас не пугают, смело покупайте, – улыбнулась Нина. Мы успели подняться по лестнице и вошли в просторный холл. Я огляделась и подумала: что может заставить людей жить в таком доме? То есть дом-то, конечно, отличный, но для трех человек места явно многовато. В своей нелепой двухуровневой квартире я с трудом обжила лишь кухню и гостиную, ночевала по большей части тоже в гостиной, потому что спальная у меня на втором этаже, а мой пес ненавидит лестницы. В квартире Деда на второй этаж я тоже практически никогда не поднимаюсь.

Дурацкие мысли пришлось оставить, мы прошли в столовую, и Нина Константиновна поинтересовалась, что я буду пить, чай или кофе. Получив чашку чая, я принялась вяло врать о том, как жажду поселиться по соседству. Инициативу перехватила Ирина Константиновна, и я по большей части кивала.

Послышались шаги, и в столовой появилась девушка лет двадцати в едва различимой мини-юбке и топе, расшитом блестками. Она неуловимо напоминала цирковую наездницу. Короткая стрижка, вздернутый нос и удручающее количество косметики, которое не скрывало прыщи на щеках и лбу, взгляд одновременно нахальный и испуганный, точно девица в любой момент ожидает, что ее выставят отсюда без объяснений. По тому, как нахмурилась Ирина Константиновна, стало ясно – это и есть Юлия.

– Скоро будем ужинать, – с улыбкой взглянув на нее, сказала Нина и повернулась ко мне. – Это моя племянница, Юля. Учится в нашем университете. Это Ольга Сергеевна.

– Я ее вчера по телику видела, – неожиданно низким голосом сообщила девица. – Вы какая-то шишка в администрации?

– Совершенно незначительная, – кивнула я. – Так что и не шишка даже, просто небольшой прыщ.

При упоминании прыщей девицу перекосило, и я дала себе слово выбирать выражения.

– Я ужинать не буду, – буркнула Юля. – Прогуляюсь.

– Одна? – мягко спросила Нина, ее нежный взгляд, обращенный к девушке, вряд ли был притворством.

– Я что, должна отчитываться? – вздернув губу, спросила Юля.

– Разумеется, нет. Просто я беспокоюсь.

Презрительная улыбка на лице Юли стала еще явственнее. Она налила себе чаю, села в кресло, закинув ногу на ногу, и нахмурилась.

– А где Лена? – спросила хозяйка.

– Понятия не имею.

– Я думала, вы пойдете вместе.

– Она считает, что я не подхожу их компании.

– Чепуха.

– Не считайте меня дурой, – очень резко ответила девица. – Ее друзья нарочно начинают болтать по-английски, что-

бы показать, что я полнейшее ничтожество. Конечно, они закончили спецшколу, а я, по их мнению, явилась сюда из ди-кой глуши.

– Не преувеличивай. Уверена, ничего подобного им в го-лову не приходит, – очень мягко возразила Нина.

– Все равно я их терпеть не могу. Строят из себя не пойми что... золотая молодежь, блин.

– Кажется, я тебя просила, – начала Нина, девушка подня-лась и, вздернув подбородок, быстро покинула столовую. – Извините, – вздохнула хозяйка.

– Не понимаю, почему ты это терпишь, – не удержалась ее сестра.

– Перестань. Они все такие в этом возрасте. У нее умерла мать, она переживает... Чужой город, чужие люди...

– Вот именно, чужие. Не мешало бы вести себя по-чело-вечески, раз уж она живет в твоём доме.

– Пройдет время, и все наладится. И с Леночкой они по-дружатся.

У меня создалось впечатление, что эти слова она произ-носит для себя, а вовсе не для нас, Нина вздохнула и, точно опомнившись, улыбнулась. Я прошла к окну и, желая разря-дить обстановку, заметила:

– Прекрасный вид.

– Да, места здесь красивые.

Вот тут мое внимание и привлекла одинокая фигура, воз-никшая на пустынной улице. Молодой человек, в котором я

без труда узнала Влада, быстро шел к дому Зотовых, но вдруг замер, пару секунд смотрел на мою машину и слегка попятился, а потом весьма поспешно свернул в переулок. «Интересно», – едва не произнесла я вслух и чуть переместилась вправо, чтобы не потерять юношу из вида. Ирина Константиновна с увлечением расхваливала местные красоты, так что я могла продолжать наблюдение. Влад звонил по телефону с хмурым выражением на физиономии. Не успел он сунуть мобильник в карман, как из калитки дома Зотовых вышла девушка, невысокая, худенькая блондинка в узких брючках. Влад шагнул ей навстречу и стал что-то говорить, кивнул на мою тачку и нахмурился. Девушка стояла ко мне спиной, опустив голову и не глядя на Влада. Потом пожала плечами и пошла к калитке, вдруг подняла голову и посмотрела в мою сторону. Взгляды наши встретились, она тут же отвернулась и через мгновение исчезла из моего поля зрения.

– Это моя дочь, – услышала я над ухом, Нина стояла рядом и с легкой усмешкой смотрела на меня.

– Красавица, – ответила я, широко улыбаясь. – Учится в школе?

– Да. В одиннадцатом классе. Хотите посмотреть дом? – предложила она и повернулась к сестре. – Ира, будь добра, скажи Марии Владимировне, чтобы накрывала на стол.

– Хорошо, – кивнула Ирина Константиновна в некотором замешательстве.

– Вот здесь гостиная, – пересекая холл, сообщила Нина. –

Окна выходят в сад. Правда, он так мал, что назвать его садом можно разве что с большой натяжкой.

Мы вошли в гостиную с белым роялем у окна, и Нина продолжила:

– Я музыкант по образованию. Правда, теперь редко сажусь за инструмент. Вы ведь пресс-секретарь Кондратьева? Мы с вами встречались, вы, должно быть, не помните. Пока был жив муж, нас приглашали на все приемы. А теперь про меня вроде бы все забыли.

– Это легко поправимо, – выдала я дежурную улыбку.

– Не трудитесь. Вы живете вместе с Кондратьевым? Уверена, сестра об этом знает. Он что, действительно собрался купить здесь дом?

– Почему бы и нет? – пожала я плечами.

– Бросьте, зачем ему это?

– Неплохое вложение денег.

– Ольга... Сергеевна, кажется? Не знаю, что вам наговорила моя сестра, только у меня все в порядке. И я не желаю, чтобы кто-нибудь совал нос в мои дела.

– Я даже еще не пыталась, – как можно мягче ответила я, она покачала головой.

– И я не нуждаюсь в помощи. Вы поняли? Сестра не взлюбила Юлю. И выдумывает бог знает что. Видите ли, Юля – дочь сестры моего мужа. Когда-то они здорово поссорились и долгое время не общались. Такое бывает между родственниками. Несколько раз муж пытался наладить с ней отноше-

ния, но в последний момент отступал, боялся, что она не захочет иметь с ним дело. Она жила очень скромно, воспитывала дочь одна, муж ее умер, Гриша мог бы помочь ей, но... наверное, это трудно объяснить, я и сама не очень хорошо его понимала. Теперь, когда ни Гриши, ни его сестры уже нет в живых, моя обязанность помочь ее ребенку. Я считаю, какая-то часть денег мужа по праву принадлежит ей. Уверена, он бы поддержал меня.

– Вы вправе поступать, как сочтете нужным, – пожала я плечами.

– Надеюсь, вы поняли меня и не станете проявлять досужее любопытство.

Зря она это сказала. До той минуты я была склонна ей верить. Муж испытывал вину за то, что жил распрекрасно, в то время как сестра бедствовала, и супруга решила в память о нем осчастливить сироту, чтобы на том свете он чувствовал себя комфортнее, но в последнем ее высказывании ощущалось откровенное беспокойство, даже страх, так что я поняла: не все так просто. В этот момент в комнате появилась Ирина Константиновна.

– Как вам, понравился дом? – спросила она, поглядывая то на меня, то на сестру.

– Дом великолепный, – ответила я, и мы вместе покинули гостиную.

Далее экскурсию продолжили вдвоем, она не заняла много времени, и вскоре я поспешила откланяться. Ирина Кон-

стантиновна осталась с сестрой, что меня вполне устроило. Я поразмышляла над странностями судьбы. Не успела я появиться в доме, как выяснилось, что дочка хозяйки знакома с Владом. Скорее всего девчонка из компании роллеров, Влад приехал ее предупредить о моем визите и угрозах, а увидев мою машину, не рискнул войти в дом. Выглядел он хмурым и явно озабоченным. Все вроде бы ясно, и все-таки странно, как сводит людей случай. Я покачала головой, и тут мое внимание привлекла племянница Зотовой. Юля довольно поспешно шла впереди, я притормозила и посигналила, девушка повернулась и в замешательстве остановилась, ожидая, когда я подъеду.

– Хочешь, подвезу? – сказала я, распахивая дверь.

Она пожала плечами и села рядом. Я тронулась с места, спросив:

– Тебе куда?

– На Соборную площадь.

– Отлично. Нам по пути.

Девушка кисло улыбнулась и задала свой вопрос:

– Поговорить хотите?

– О чем? – подняла я брови.

– Ладно, не прикидывайтесь. Стали бы вы меня подвозить, если бы вам что-то не понадобилось.

– Занятно, – хихикнула я. – Тебе никто не говорил, что доброе дело иногда сделать приятно, особенно если это ничего не стоит.

– Не очень-то вы похожи на добрую фею, – фыркнула она.

– Да? А на кого я похожа?

Она дипломатично пожала плечами.

– На человека, который своего не упустит.

– Что ж, тогда давай поговорим, – улыбнулась я.

– Давайте. Зачем вас Ирка притащила? За мной шпионить?

– Не преувеличивай свою значимость.

– Она меня терпеть не может.

– Вдруг есть за что?

– Это у вас юмор такой? – скривилась девушка. – Да ей просто бабкок жалко. Чужих, между прочим. И я их не просила, Нина сама мне их сует. И в доме у них жить мне не очень-то хотелось. В общаге веселее. Она не отпускает. Понятно? Так что мне их деньги... черт бы побрал эту родню, – неожиданно закончила она.

– Чем ты недовольна? – удивилась я. – В конец концов, в общагу ты всегда можешь уйти.

– Могу. Она платит за мою учебу. На бюджетный я не поступила. У меня с английским проблемы. А Ленка ехидничает, говорит, что на платном только дебилы учатся.

– Посмотрим, где она сама будет учиться, – усмехнулась я.

– Я не хочу с ними ссориться, – серьезно заговорила Юля. – Мне деньги нужны на учебу, а у меня их нет. Значит, надо терпеть. Только с родичами никаких нервов не хватит.

– Ты так говоришь, как будто...

– Они меня терпеть не могут, – перебила она. – Все. И Нина тоже. Просто прикидывается. Зачем? Зачем я им, когда они меня знать не знают и дядя мой умер?

– Просто хочет сделать доброе дело.

– Да ладно... Я думаю, может, он завещание какое оставил, а они мне мозги пудрят и обхаживают, чтоб я никуда не лезла.

– Узнать, было ли завещание, не так трудно, – возразила я. – Хочешь, помогу тебе?

– С какой стати? – насторожилась она.

– Чтобы черные мысли тебя не посещали. Ну, так что?

– Не надо, – замотала она головой, вроде бы чего-то испугавшись.

– Мать тебе о своем брате что-нибудь рассказывала? – тихо спросила я.

– Нет.

– А как она тебя нашла?

– Кто?

– Нина Зотова, кто же еще?

– Не знаю. Письмо прислала, пригласила приехать.

– Нина письмо прислала?

– Конечно, – девица взглянула исподлобья и принялась ерзать, мои вопросы ей почему-то не понравились.

– Ты одна приехала?

– У меня что, родни пол-Китая? Мать умерла... Знаете что, остановите здесь.

– Ты же на площадь хотела? – продемонстрировала я удивление.

– Расхотела, – буркнула девица, я притормозила, и она поспешно меня покинула.

Вне всякого сомнения, обстоятельства своего появления в городе она желала сохранить в тайне. Разумеется, мне они теперь были вдвойне интересны. Поэтому, приткнув свою тачку возле кафе, я не спеша отправилась за Юлей. Она свернула на Мичуринскую, я тоже свернула, и мы малой скоростью вышли к парку Пушкина. Дойдя до парка, девушка направилась к центральному входу, а не пошла далее к Соборной площади, до которой отсюда было еще довольно далеко. Как видно, намерения ее изменились. Она вошла в парк и заспешила по аллее, поглядывая по сторонам. Чтобы ненароком не попасть ей на глаза, я двигалась по соседней аллее, нас разделяли деревья и кусты, но Юлю они не скрывали настолько, чтобы я боялась ее потерять.

Девушка пошла медленнее, а я, напротив, ускорила и через минуту оказалась возле фонтана, здесь, как всегда, было много народу, и я надеялась, что в толпе смогу затеряться. Когда я вновь увидела Юлю, она стояла рядом с темно-волосым парнем, одетым в потрепанные джинсы и рубашку, которую не мешало бы выстирать. Девица кокетливо улыбалась, парень чуть переместился влево, и теперь я хорошо видела его лицо. Мужчина кавказской внешности, лет двадцати семи. Для Юли он явно староват, да и внешность оставляет

желать лучшего, впрочем, о вкусах не спорят. Тут он ее обнял, рука скользнула под короткую юбку, девушка слегка его оттолкнула и засмеялась, его вольность ей вполне пришлась по душе, а я поняла: это любовное свидание. Посерьезнев, Юля начала что-то ему объяснять, он согласно кивнул, и они, обнявшись, направились к боковому выходу из парка. Вскоре стало ясно, направляются они к Соборной площади.

Я шла метрах в двадцати от них, не особенно прячась. Они были слишком заняты друг другом, чтобы обращать на меня внимание. О чем они говорят, я не слышала, да и вряд ли меня заинтересовала бы их болтовня, судя по всему, это был обычный треп влюбленных, который может занимать только их самих. До площади оставалось совсем немного, когда девушку вдруг окликнули. Она испуганно повернула голову, замерев на месте, я проследила ее взгляд и увидела, как к ней направляется мужчина с очень сердитым выражением на физиономии.

На вид ему было лет шестьдесят, невысокий, упитанный, с лохматыми бровями, скорее всего именно с ним Ирина столкнулась в доме сестры. Выглядел он вполне обычно, если не считать сердитого выражения на лице. Очень скоро выяснилось, что его недовольство относится скорее к дружку девушки. В его сторону мужчина принципиально не смотрел и вообще всячески его игнорировал. Старику не нравился выбор Юли, что ж, это понятно. Вот только непонятно, кем он ей приходится, раз девушка у нас сирота.

Она вроде бы оправдывалась, ее дружок отошел на пару метров и лениво разглядывал прохожих, разыгравшаяся неподалеку сцена его, казалось, совершенно не волнует. Чем дольше я наблюдала за пожилым мужчиной, тем больше терялась в догадках. На шантажиста он походил мало. Однако лишь на первый взгляд выглядел эдаким добродушным дедом, застукавшим родную внучку за неблагоприятным занятием. Было в нем что-то... настораживающее, так я определила собственное впечатление после некоторого раздумья. Манеры довольно властные: жесты, взгляд, и вместе с тем он казался каким-то пришибленным, что ли, а еще обиженным. Вот это определение, пожалуй, самое точное. В общем, дядя меня заинтересовал, будучи носителем взаимоисключающих черт.

Он продолжал гневаться, Юля что-то сказала парню, подхватила пожилого мужчину под руку и пошла с ним к площади, ее друг, с досадой посмотрев ей вслед, остался стоять на месте, а потом юркнул в ближайшую подворотню. Парочка под ручку прошествовала через площадь, «дедушка» заметно успокоился, теперь выражение его лица изменилось, говорил в основном он, а Юля время от времени кивала головой, вроде бы соглашаясь, с довольно кислым видом. Я бы сказала, что нравоучения деда ее допекли, но возражать она не решалась, впрочем, это мои фантазии, раз я ничего слышать не могла, а наблюдала за ними, укрывшись за деревьями.

Они прошествовали в кафе рядом с площадью, где пробыли полчаса. Вышли вместе и простились у дверей. Мужчина направился в одну сторону, Юля в другую, достала телефон и принялась звонить. Я была уверена, что звонит она своему приятелю, и попыталась решить, кто мне более интересен: парень или мужчина в годах. Выходило, что дядя занимает меня больше, и я пошла за ним. Держалась я близко, боясь его упустить, предосторожность была совершенно излишней: мужчина сел в такси, которое скрылось в потоке машин. Как назло такси по соседству не оказалось, я остановила частника, но время было потеряно. Доехав до гостиницы «Дружба», я поняла, что бровастого упустила, и вернулась к своей тачке.

Вот тут мне повезло. Не успела я свернуть с площади, как вновь увидела Юлю в компании все того же кавказца. Они шли обнявшись, однако лицо Юли было задумчивым и на болтовню дружка она, как видно, не реагировала. Парень, напротив, говорил без умолку. Они направились в сторону Центрального рынка, я малой скоростью следовала за ними. Минут через двадцать они оказались возле кафе «Терек» и вошли внутрь. Кафе славилось тем, что шашлыки здесь были отменные, посещали его не только земляки хозяина, любители хорошо поесть съезжались сюда со всего города, чем владелец очень гордился. Пару раз и я здесь бывала, и с хозяином была знакома, что в данный момент пришлось как нельзя кстати.

Оставив машину в соседнем дворе, чтобы Юля ее случайно не увидела, я вошла в кафе через служебный вход. Парень лет двадцати внимательно на меня посмотрел и, не сказав ни слова, юркнул в ближайшую дверь. Через минуту оттуда появился хозяин, тучный мужчина неопределенного возраста. Раскинув руки и радостно улыбаясь, он меня приветствовал.

– Какой хороший день сегодня, рад вас видеть.

– Взаимно, – кивнула я.

Кухню от зала отделяла деревянная решетка, увитая искусственным виноградом, возле нее меня и застукал хозяин. Юля со своим дружкой как раз устраивались за столом в дальнем углу зала.

– Сейчас шашлыком угощу, пальчики оближите, – прищмокивая, сказал владелец кафе.

– Спасибо, – ответила я и кивнула в сторону зала. – Парня знаете, того, что сидит с темноволосой девушкой?

Он посмотрел в том направлении и перевел взгляд на меня, разом став серьезным.

– Алика? А что случилось, уважаемая?

– Пока ничего. Родители девушки недовольны тем, как она проводит время.

– Ах, – покачал он головой сокрушенно. – Беда с этими детьми. Родители известные люди?

Этот вопрос я проигнорировала и задала свой.

– Что привело молодого человека в наш славный город?

– Что привело? – вздохнул мой собеседник. – Родствен-

нику помогает. Тот на рынке торгует. Хороший человек, уважаемый.

– Не сомневаюсь. Значит, торгует. Чем?

Простой вопрос вызвал у хозяина затруднение.

– Как все, – пожал он плечами. – Овощи, фрукты, то да се... Может, у меня стол накрыть? Шашлык отличный и вино домашнее.

– Спасибо, в другой раз. О моем интересе к парню лучше помалкивать. Договорились?

– Само собой, – обиделся он. И я и он знали, что о моем интересе все, кому надо, узнают уже сегодня.

– Что ж, всего доброго, – усмехнулась я и направилась к дверям. Хозяин счел необходимым меня проводить.

– Вы у нас всегда желанный гость...

Можно было отправиться восвояси, но вместо этого я устроилась на скамейке в соседнем дворе, откуда хорошо был виден вход в заведение. Где-то через час появилась Юля со своим приятелем, настроение у девушки явно улучшилось, она трепетно висла на локте Алика и счастливо ему улыбалась.

– Не зря хозяин гордится своей кухней, – хмыкнула я.

Парочка проследовала по улице и свернула к частному дому. Деревянное одноэтажное строение выглядело обветшалым, но забор его окружал двухметровый. Вздохнув, я отправилась вдоль него и оказалась в узком пространстве между двумя домами, далее был пустырь, изрядно захламленный,

и железный гараж. Возвратиться на него оказалось делом двух минут.

Во дворе дома компания торговцев с рынка сидела за столом, провожая Юлю с Аликом насмешливыми взглядами. Юля шла, гордо вскинув голову, но чувствовала себя неуверенно, Алик ее обнимал и что-то шептал на ухо. Парочка скрылась в ветхом сарайчике, как раз рядом с гаражом. Мысленно чертыхнувшись, я спустилась на землю, стараясь не шуметь, и оказалась в чужом саду. Надо сказать, что на улице, примыкающей к рынку, селились в основном выходцы из бывших советских республик, сараи использовали как склады, а в домах снимали комнаты. Иногда в одной комнате жили человек пять-шесть. О регистрации здесь, конечно, знали, но упорно ее игнорировали, что повышало благосостояние местных ментов и являлось головной болью жителей района, тех, что в рыночном бизнесе не участвовали. Данная сторона жизни до сих пор меня волновала мало, и сейчас, глядя на захламленный сад, я лишь головой покачала, после чего приблизилась к сарайчику. Доски в нескольких местах сгнили, щели между ними были такие, что кошка пролезет. В общем, убежище крайне ненадежное. Услышать разговор, а также при желании увидеть, чем там люди заняты, труда не составит.

Молодые предавались греху сладострастия, то есть предаваться ему очень желал Алик, Юля была на распутье. Ожидать, что они будут что-то обсуждать, труд напрасный. Он

горячо шептал обычный бред, Юля хихикала, потом перешла на бормотание, Алик заткнулся, заскрипели пружины. Панцирная сетка кровати, которая помнила времена первых пятилеток, к такому испытанию была не готова, в самый неподходящий момент раздался пронзительный треск, Юля вскрикнула, а Алик чертыхнулся. «Не судьба», – решила я, выбрала ящик почище и устроилась на нем в кустах сирени.

– Мне надо домой, – возмущенно сказала Юля.

– Чего ты, рано еще.

– Говорю, мне надо домой.

– Ладно, иди, – буркнул он недовольно.

– Ты меня проводишь? – все-таки спросила девушка.

– Только до рынка. Надо к брату зайти.

Юля обиженно фыркнула, Алик снова перешел на шепот, а я, тяжело вздохнув, начала с тоской оглядываться. Ясно, что обсуждать коварные планы парочка не собирается, свое время я тратила впустую.

Конечно, девчонка дурочка, могла бы найти парня получше, а не трахаться в ветхой сараюшке с торговцем с рынка, у которого на благословенном юге наверняка есть жена и двое-трое ребятишек. В компании Лены она не прижилась, может, ей с этим Аликом комфортнее и сарайчик привычная для нее среда обитания. Бог знает с кем она дружбу водила до своего появления здесь.

Взгромождаться на гараж очень не хотелось, и я отправилась искать выход из сада. Тропинка вывела меня в переулок,

забор в этом месте держался на честном слове, а две доски болтались, так что выбралась я без труда, злясь на себя за глупость. А как еще можно назвать мое поведение? Деду, конечно, тоже досталось. Ему хочется выглядеть благородным в глазах бывшей подружки, а мне по гаражам лазай.

Но что-то не позволяло отмахнуться от рассказа Ирины. Я поймала себя на том, что мысленно то и дело возвращаюсь к дяде с лохматыми бровями. Вел он себя как заботливый родитель, но девушка-то сирота. Кто он ей и что здесь делает, оставалось лишь гадать. А гадать я не любитель. Оттого и отправилась в дом с колоннами, бросила машину на стоянке, кивнула охраннику на входе и прошла в кабинет Ларионова. Ларионов, начальник охраны Деда, никогда не числился в моих друзьях. Сказать по правде, мы друг друга терпеть не могли. Но Дед раскол в рядах не приветствовал, и мы изо всех сил изображали соратников, мол, все делаем одно большое дело, правда, на поверку выходило, что каждый это самое дело представляет себе по-своему. Что касается меня, так я его вовсе не представляла. Уверена, у остальных в этом смысле было не лучше.

Ларионов с постным видом перебирал на столе какие-то бумаги, поднял голову и пленительно мне улыбнулся, давая понять, что очень рад моему приходу. Я кивнула и устроилась в кресле возле окна.

– Надо навести справки об одной барышне. Юлия Бокова, двадцать лет, прибыла к нам из Екатеринбурга, племянница

господина Зотова, Григория Петровича, ныне покойного.

– Это тот самый Зотов... – начал Ларионов, я опять кивнула.

– Тот самый.

– И чем тебя заинтересовала девица?

– Меня ничем, но Дед считает, что я должна ею заняться.

Вопросы задавать ему сразу же расхотелось, он нахмурился, записал данные Юли, всем своим видом демонстрируя готовность костыми лечь для блага хозяина.

– Когда тебе понадобятся сведения? – спросил деловито.

– Чем скорее, тем лучше.

Я поднялась и направилась к двери, Ларионов недовольно буркнул:

– Могла бы все-таки объяснить, в чем дело.

– Да я пока и сама не знаю, – улыбнулась я в ответ и отправилась восвояси.

Часа два я создавала видимость кипучей деятельности, то есть отвечала на звонки, бегала по кабинетам и приставала к разным людям с вопросами, которые интересовали меня так же мало, как прошлогодний снег. Потом решила, что трудовой порыв затянулся, и отправилась домой, заглянув перед этим в приемную Деда. Ритка, секретарь нашего отца народов, мечтательно смотрела в окно, подперев щеку кулаком. Мне она обрадовалась.

– Хочешь кофе?

– Некогда, – вздохнула я, вранье чистой воды, но в этих

стенах я, по не совсем ясной причине, сегодня чувствовала себя неуютно и не хотела задерживаться даже для того, чтобы поболтать с Риткой. Она относилась к крайне незначительной части человечества, которую я именovala друзьями. Деду она была очень предана, совершенно искренне считая, что он заслуживает уважения и даже любви. В этом вопросе я не всегда могла с ней согласиться, и опасную тему мы старались не затрагивать. После нашего воссоединения с Дедом она вроде бы была счастлива, по крайней мере, раз двадцать сказала: «Наконец-то вы дурака валять перестали, и мне нервы мотать», но в наш союз, должно быть, не особо верила, потому что с тех пор взяла привычку пытливно меня разглядывать, как будто ожидая подвоха.

– У себя? – мотнула я головой в сторону дубовой двери.

– Ага. Только у него народу...

– Ясно. Скажешь Деду, я жду его дома.

– Хорошо.

– Пока, – бросила я, Ритка все-таки не удержалась от вопроса.

– Как у вас?

– Отлично.

– Когда ты так говоришь, хочется тебя придушить.

– Рита, это зависть. С ней надо бороться.

– Иди отсюда, – весело фыркнула она, и я удалилась.

Дома я оказалась где-то через час, Сашка лежал в гостиной, поглядывая на телевизор.

– Привет, зверь, – крикнула я, он неохотно сполз с кресла и посеменил мне навстречу. – Идем гулять, – порадовала я его, прихватив мячик.

Во дворе дома, где жил Дед, а теперь и мы с Сашкой, был небольшой парк, всего-то десяток деревьев, но жильцы им очень гордились. Моя собака парк по неведомой причине терпеть не могла, и мы отправились таскаться по улицам. В чужом дворе побегали за мячиком, познакомились с девочкой Настей и котом, чье имя установить не удалось, Сашка очень весело проводил с ними время, а я сидела на скамейке и размышляла о смысле жизни, типа, вот еще один день прошел, и что?

– Жаль, что я не собака, – поведала я Сашке по дороге домой. – Никто не научил дуру предаваться простым радостям. – Сашка посмотрел укоризненно и отвернулся.

Входя в квартиру, я услышала, как звонит телефон, и поспешно ответила. Детский голос звучал возбужденно.

– Ольга Сергеевна? Это Иван, ну, тот, у кого мобильный украли.

– Слушаю тебя, Иван, – улыбнулась я.

– Его вернули. Парень позвонил и сказал, что нашел мобильник. А там мой номер забит, домашний, вот он и...

– Отлично. Видишь, есть на свете хорошие люди.

– Ага. Спасибо вам.

– Мне-то за что?

Он вроде бы смутился, но повторил:

– Спасибо. Мама сказала, я обязательно должен вам позвонить. Я бы и сам позвонил... А что теперь с милицией делать?

– Ничего, ты не волнуйся, я все устрою. А что за парень нашел мобильный?

– Ну... взрослый уже, зовут Влад. Он его нам домой принес. Мы с ним поболтали немного, хороший парень, он мне компьютер починил. Сказал, если опять что-то сломается, я могу ему позвонить.

Я улыбнулась. Прежде всего, порадовалась, что телефон мальчишке вернули, но и поведение Влада пришлось по душе.

Мы простились с Иваном, и я подмигнула Сашке, который, задрав голову, досуже подслушивал.

– Вот видишь, одно доброе дело мы все-таки сделали, так что, если верить оптимистам, день прошел не зря.

Я покормила Сашку, размышляя, стоит ли приготовить ужин или обойдется, тут позвонила Ритка.

– Слушай, совсем забыла тебе сказать. Сегодня Прохоров народ собирает по случаю десятилетия своей фирмы. Дед намерен его осчастливить своим присутствием и тебя просил быть. Так что давай туда.

– Может, Прохоров твой перебьется? – пробубнила я, пытаясь справиться с приступом лени.

– Да мне этот Прохоров... Дед просил.

– Это святое, – согласилась я, и с ленью было покончено.

Я отправилась переодеваться, Сашка побрел за мной в гардеробную, выразив интерес помахиванием хвоста.

– Извини, пес, взять тебя с собой не могу. Там соберутся странные существа, которые без восторга относятся к собакам.

Прохоров, успешный предприниматель и основатель двух-трех благотворительных фондов, слыл мужиком хитрым, но порядочным. В первом качестве я не сомневалась, второе до сих пор проверить не удалось. Последнее время он всячески обхаживал Деда в связи с одним своим проектом. У Деда на его счет тоже были идеи, так что любовь скорее всего состоится, готовность Кондратьева принять приглашение тому подтверждение.

Офис Прохорова, украшенный разноцветными шариками, выглядел исключительно нарядно. Я заметила на стоянке машину Деда и еще два десятка машин, заслуживающих внимания, в светской хронике написали бы: «...принадлежащих видным представителям нашего города». Судя по всему, я тоже «видный представитель», раз два охранника бросились ко мне, показывая, где стоит припарковаться.

– Добрый вечер, Ольга Сергеевна, – приветствовал меня тот, что постарше, и кивнул товарищу: – Володя, проводи.

В просторном холле, где были накрыты столы, толпились гости, десятилетие отмечали с размахом. Дед мило беседовал с какой-то дамой, рядом, со счастливым видом, пасся

Прохоров. Я решила, что могу некоторое время постоять в сторонке, не привлекая к себе особого внимания. Но случилось так, что в тот вечер я стала гвоздем программы. Я тихо-мирно отиралась возле стола с пирожными, болтая с нашими светскими львицами, которым нечем было заняться, пока мужья решают насущные проблемы. Высокая блондинка расписывала мне преимущества отдыха на Мальдивах, пока вдруг не поперхнулась, как-то странно взглянув на меня. Физиономию ее украсила кривая ухмылка, и мысли о Мальдивах даму оставили, хотя она изо всех сил цеплялась за них. Размышлять над происшедшей с ней метаморфозой мне не хотелось, а дама, улыбнувшись еще раз, от меня отчалила. Зато буквально через десять минут я стала магнитом для публики, женской ее части, вне всякого сомнения. Дамы волной прибивались и откатывали, некоторые продолжали тесниться рядом, хитро переглядываясь. Чем объяснить мою тогдашнюю бестолковость, не знаю, но я пребывала в неведении до тех пор, пока рядом не возникла Ритка.

– Прохоров сегодня идет вторым номером, – хихикнула она. – Ты произвела фурор.

– Не скажешь, чем я так полюбила дам? – проявила я живой интерес. Ритка вроде бы удивилась.

– Ничего себе. Я-то думала, ты сделала это нарочно.

– А что такого я успела сделать? – не поняла я.

– Ну, родная... Чтобы отсидеться в сторонке, ты выбрала явно не то платье.

Тут до меня дошло. Я с прискорбием перевела взгляд на свой живот. В самом деле, платье, пожалуй, тесновато.

– Заметно?

– Судя по оживлению в зале, более чем, – вновь хихикнула Ритка. – Одна дура уже поспешила поздравить Деда. Тот до сих пор давится, должно быть, от счастья.

– Вот черт, – покачала я головой.

– Брось, какая разница. Неделей раньше, недель позже... Людям свойственно посудачить.

Конечно, Ритка права. И злиться я могла разве что только на себя. В самом деле, если хотела сохранить свое интересное положение в тайне, платье следовало выбирать осмотрительнее. Рядом возник Дед и бодро мне улыбнулся. Если и давился от счастья не так давно, то теперь выглядел молодцом. Голова гордо вскинута, глаза горят, с блуждающей улыбкой он поглядывал по сторонам, точно предлагал позавидовать нашей радости. Общественность ответила умилением. Благая весть и до мужиков докатилась, и видные представители нашего города при прощании приложились к моей ручке. В целом композиция напоминала избитый сюжет «Волхвы, дары приносящие», в качестве даров следовали заверения в уважении и вечной дружбе.

С приема мы удалились рано, что было встречено пониманием и хитрым подмигиванием. Дед, точно крейсер, рассекал толпу, ведя меня под руку, подозрительно похожий на новобрачного. Я решила, что происходящее пришлось ему

по душе. Домой мы отправились на моей машине.

– Как ты себя чувствуешь? – душевно спросил он.

– Я что, с утра на здоровье жаловалась? – огрызнулась я. –

Или ты имеешь в виду мое душевное состояние?

– Чего ты злишься? – буркнул он и обиженно отвернулся.

Я думала, на этом мы и закончили, но дома, заварив чая и протягивая мне чашку, он вдруг сказал:

– Когда ребенок родится, в графе «отец» должно быть имя. Ты думала об этом?

Я тяжело вздохнула.

– Куда спешить?

Дед нахмурился, очень внимательно посмотрел на меня.

– Ты ведь все решила, верно?

– Верно, – вяло кивнула я.

– И ты не передумаешь? – Этот вопрос дался ему нелегко, взгляд стал настороженным, и отеческая улыбка сползла с лица. Он не дождался моего ответа, а может, боялся его услышать, и бодро продолжил: – В создавшейся ситуации я считаю правильным, если у ребенка будет мое имя. Так лучше для всех. Для него в первую очередь.

Ответить на это мне было нечего. Наверное, он прав. В самом деле лучше. Для ребенка, для меня. И для Деда. Он хотел, чтобы я была рядом, а я хотела покончить с прошлым. С любовью к одному человеку, которая не принесла ничего, кроме боли, и любовью к другому, которая все еще больше запутала. Дед ничего не сказал, но я знала: стоит мне захо-

теть, и он женится на мне. Он будет хорошим отцом, в этом я не сомневалась. И, наверное, хорошим мужем. Даже если не оставит былых привычек менять баб каждый календарный месяц, меня это давным-давно не волнует. Словом, будет у нас образцово-показательная семья.

Но счастьем почему-то и не пахло. Должно быть, все дело во мне, я просто не умею довольствоваться тем, что дает мне жизнь. Вроде бы и дает немало, да все не впрок. Вот ведь беда.

Благая весть разнесется по городу, и, разумеется, Тимур очень скоро узнает... Как он отнесется к известию? Меня это действительно волнует? И мешает дать ответ Деду прямо сейчас: мол, да, ты, как всегда, прав и это для всех наилучший выход? Конечно, лучший. Только я не верю, что все кончилось. Не могу поверить.

Дед положил руку на мое плечо, легонько его сжал.

– Я люблю тебя, – сказал тихо.

– Я знаю, – кивнула я. Он грустно усмехнулся, не такого ответа ожидая от меня. Хотел уйти, но так и стоял, держа руку на моем плече, и заговорил.

– Я сам все испортил. Я знаю. Я не должен был поступать так, как много-много раз поступал. Поверь, сейчас я думаю только о твоём благе. Не о себе. Слава богу, с возрастом мудреешь и можешь излечиться от эгоизма, когда желаешь этого. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Так что выбор за тобой. Что бы ты ни решила... – Он вздохнул. – Я пойму.

– Спасибо, – похлопав его по руке, ответила я.

К словам Деда я привыкла относиться с сомнением. Он мог быть очень убедительным, вот как сейчас, но, по большому счету, это мало что значило. Когда-то я уже слышала от него нечто подобное. Чем это обернулось в действительности, вспоминать не хочется. Конечно, он стал старше, мудрее, терпеливее, но... «Простотой и ясностью в моей жизни даже не пахнет», – мысленно констатировала я с прискорбием.

Не знаю, на что рассчитывал Дед в тот вечер, может, все-рьез решил, что я брошусь ему на грудь со слезами благодарности и мы скрепим союз в его постели, если и так, то я была далека от этого. Выходить за него замуж я не собиралась, даже для того, чтобы прикрыть свой «грех». С Дедом такие игры не проходят, и из формальной жены я очень скоро стану настоящей, а времена, когда я мечтала об этом, давным-давно канули в прошлое. Плохо то, что эта мысль угнездилась в его голове, что-то решив, он начнет неуклонно двигаться к цели, и никакие препятствия, а уж тем более мои возражения, его не остановят. В его арсенале масса разнообразных приемов, и все он пустит в ход.

Жизнь, которая и с утра казалась мне не особенно привлекательной, к вечеру и вовсе перестала радовать. Правда, за долгие годы я научилась неплохо с этим бороться. «Не пропаду», – подбодрила я себя. Дед устроился рядом, гладил мое плечо, демонстрируя семейное счастье у камина. Я по-

думала, что со счастьем перебор, поцеловала его и, простившись, удалилась к себе, прихватив Сашку.

Мой пес выглядел недовольным и даже два раза глухо зарычал.

— Ладно, — вздохнула я. — Мне здесь тоже не нравится. — Сашка взглянул так, что мне стало стыдно. — Хорошо, — махнула я рукой. — Допустим, я окончательно запуталась, сама порчу себе жизнь и прочее, прочее, прочее... Есть реальный совет, как стать счастливой за три дня? Нет, тогда ложись спать.

Сашка лег, а я заревела, сама не знаю с какой стати. Беременные бабы слезливы, вот я и валяю дурака. Пес, уткнувшись мне носом в плечо, тихо поскуливал, с ним было уютно, а скоро стало смешно, потому что вздыхал он вполне человечески, и я успокоилась.

Пару дней ничего интересного не происходило. К Деду нагрянули высокие гости из Москвы, и я с честью выполняла роль девочки на побегушках, достигнув небывалого мастерства в этой области. Дед был визитом доволен, общественность счастлива, я сияла от восторга. Когда гости отчалили, Дед в своем кабинете выпил рюмку коньяка, посмотрел на меня с сомнением и все-таки спросил:

— Выпьешь?

— Не могу, я решила стать образцовой мамашей.

— Завтра у нас выходной. Подумай, как провести его с наи-

большей пользой.

– Спать до обеда, – хмыкнула я.

Он кивнул, хотя привык вставать рано и даже на отдыхе вскакивал ни свет ни заря.

– А еще?

– Ну... – я пожала плечами. – Можно пойти в театр. Тебе прислали два билета. «Травиата». Божественная музыка.

– Ты же знаешь, я усну в первом акте.

– Не наговаривай на себя. Ты всегда держался молодцом. К тому же спишь ты без храпа и как часовой, вполглаза. Можно сделать так: ты с утра махнешь на рыбалку, я буду отсыпаться, а вечером я буду слушать «Травиату», а ты, соответственно, спать. Граждане придут в восторг, обнаружив тебя в театре.

После того как губернаторов стал назначать президент, Дед гражданами не очень-то интересовался, любовь прошла с последними выборами, но, по неведомой причине, народной любовью весьма гордился, и сейчас моя мысль пришлась ему по душе.

– Отлично. Скажи Ритке, пусть вызовет машину, поедem на дачу.

По дороге я вспомнила о Зотовой, точнее, о просьбе ее сестры, из-за дефицита времени с выяснением, в чем там дело, пришлось повременить, я хотела рассказать о встрече с ней Деду, но он тому не поддержал – то ли очень устал, то ли она его вовсе не интересовала, и я замолчала.

Утром я проснулась поздно, Сашка нетерпеливо носился по комнате. Когда вчера вечером за ним заезжали домой, Дед не удержался и съязвил, точнее, выразил надежду, что с появлением ребенка моя ненормальная любовь к собаке примет вполне приемлемые размеры. Лично я в этом сильно сомневалась.

– Сашка не просто собака, – миролюбиво заметила я. Дед нахмурился, а я с опозданием сообразила, что мои слова он понял по-своему, хотя я имела в виду выдающийся Сашкин ум, душевные качества и то обстоятельство, что он до сих пор меня терпит, не каждому такое по силам. Сашку мне подарил Лукьянов, моя большая и безрадостная любовь. Дед об этом, конечно, знал.

Лукьянов некоторое время назад скончался, то есть смог убедить в этом почти всех заинтересованных лиц, так что выходило: мой пес все, что осталось у меня на память о былой любви. Дед бы страшно удивился, узнав, что бывшая любовь не только ошивается неподалеку, но и в припадке доброты даже предлагала мне отправиться вместе с ним: мир посмотреть, себя показать. Хотя себя показывать Лукьянов не любил, зато о его делах слагали легенды. Я была персонажем в парочке самых паршивых легенд, так что Дед совершенно напрасно решил, что я храню в душе светлые чувства. Чувства были, но отнюдь не светлые, дикая помесь обиды, душевной боли и неудовлетворения от собственной глупой мести. По крайней мере, именно «глупой местью» Лукьянов

назвал мой отказ уехать с ним и даже грозил мне, что пожалею. Может, и пожалела бы, не окажись я в интересном положении, а в таком положении нормальные люди думают о ребенке. Я считала себя нормальной, поэтому выбрать Лукьянова в спутники жизни было бы верхом опасной глупости. Я ответила отказом. В его глазах читалась боль, в моих, наверное, тоже. Он уехал, а я вздохнула с облегчением.

— Черт, куда это меня занесло? — нахмурилась я и побрела с Сашкой в сад. Странно, но мысль о Лукьянове впервые не причинила боли. Наблюдая за Сашкой, я продолжала размышлять о Лукьянове, и чем больше размышляла, тем сомнительнее мне казалась собственная роль. Влюбиться в такого парня уже было глупостью. А я влюбилась так, что... Я усмехнулась и покачала головой. Он то появлялся в моей жизни, то исчезал, а я продолжала ждать его, как верная Пенелопа. Хотя нет. Пенелопа ловко пудрила женихам мозги, никого к себе близко не подпуская, а в моей жизни вдруг появился Тагаев. Хотя не вдруг, а при весьма непростых обстоятельствах, которые слабоумные сочли бы даже романтическими, но романтики там кот наплакал: Тимура обвинили в убийстве, а меня как раз убийца и интересовал. В результате мы на пару принялись его искать. Кончилось это хеппи-эндом: враги повержены, и мы в одной постели. У него была любовь, у меня тоже была, но к другому. В общем, сплошной Мармезонский балет. Тут еще Лукьянов нагрязнул, и все стало только хуже. Теперь оба исчезли, но лучше мне поче-

му-то не стало. Я вновь вернулась к мыслям о прошлом, пытаясь понять, когда и что я сделала не так. Пока Лукьянов морочил голову людям своей кончиной, мне не следовало жить с Тагаевым. Он думал, что простит мне мою нелюбовь, оказалось, это не так легко. Наш разрыв был предрешен на небесах, говоря высоким стилем. Он ушел, а я метнулась к Деду зализывать раны. Миленький такой четырехугольник, в котором теперь сам черт не разберется, я то уж точно не разберусь.

– Сашка, идем домой, – крикнула я. И вдруг совершенно отчетливо увидела Тимура, так, точно он в самом деле стоял рядом. И ощутила почти нестерпимую тоску, а еще боль. Может, я все-таки люблю его? Тогда что мне мешает взять и позвонить ему прямо сейчас? Многое. Главное то, что в мою любовь он никогда не поверит, а значит, все бессмысленно.

На этой оптимистической ноте и закончилась моя прогулка. Вернулся Дед с рыбалки, и мы засобирались в город. Я намеревалась перед театром посетить парикмахерскую, а Дед – все-таки заглянуть на работу. Прощаясь с ним, я была уверена, что у него найдутся неотложные дела и в театр мы не пойдем, чему я не особенно бы огорчилась: долгая прогулка в компании все того же Сашки меня вполне бы устроила.

Оттого я очень удивилась, когда Дед позвонил в начале седьмого и коротко сообщил:

– Встретимся в театре.

Я отправилась в гардеробную выбирать платье и через

несколько минут поняла: скрыть очевидное не удастся, не то чтобы живот был так уж заметен, просто у меня не оказалось подходящего платья, подвела привычка носить вещи в обтяжку, похваляясь тонкой талией. Теперь и талия подкачала, и народ судачит. Следует подумать о гардеробе. Вздохнув, я надела то самое платье, в котором была на приеме, по одной простой причине: оно мне нравилось, а скрывает оно что-то или, наоборот, демонстрирует, меня не волнует.

Дед опоздал на десять минут, и в ложу мы вошли, когда играли увертюру. Дед устроился с удобствами и приготовился дремать, а я разглядывала зал. Зря я это сделала, могла бы наслаждаться музыкой весь первый акт. В ложе справа сидел Тагаев. Безупречный костюм, безупречная стрижка и безупречная блондинка рядом. К театру его приохотила я, за что теперь и страдаю. Вообще-то я всегда думала, что театр для него испытание, которое необходимо выдержать ради красивой девушки. Заподозрить такого парня в любви к искусству я никак не могла, оказалось, зря. Мы расстались, а он блондинок в театр водит. Девушке опера нужна так же, как мне насморк в разгар лета, впрочем, он мне никогда не нужен. Сидит, бедная, вздыхает... Недостойное вас ехидство, Ольга Сергеевна. Неужто я ревную? Ерунда, у меня и в мыслях не было, что он живет один. Девушки его любят, и есть за что. Не только за бабки и имя, которые граждане произносили с придыханием (болтали, что богатство Тимур

нажил путем несправедливым, а особенно горячие головы называли его криминальным авторитетом). Были еще характер и уважение, вольное или невольное, которое он внушал всем. Внешность тоже не подкачала, так что Тимур – парень хоть куда, скучать ему не дадут.

Девушка придвинулась к нему поближе и положила голову на его плечо, он не обратил на это никакого внимания, смотрел на сцену, даже не шелохнувшись. По неведомой причине, меня это порадовало, хотя девушку было жаль. Вот она что-то сказала ему, он улыбнулся, поворачиваясь к ней... Я испугалась, что он заметит меня. Помнится, не так давно я мечтала с ним встретиться, случайно, чего же теперь боюсь?

– Спектакль тебя не интересует? – вдруг спросил Дед.

– С чего ты взял? – очнулась я.

– Мне так показалось, – дипломатично пожал он плечами.

– Савранская неподражаема, – упрямо заявила я и попробовала смотреть на сцену. Миссия невыполнима: взгляд возвращался к Тагаеву, а мысли в голову приходили одна нелепее другой. То хотелось тихо смыться, чтобы не причинять себе напрасных душевных страданий, то, напротив, встать и крикнуть во все горло: «Тимур!» – а потом броситься к нему в объятия, испортив людям вечер, а себе жизнь, потому что в объятия друг другу мы уже кидались, но ничего хорошего из этого не вышло.

В антракте Дед предложил мне посетить буфет. Я отказа-

лась, наблюдая за тем, как Тагаев со своей дамой покидает ложу, столкнуться с ним в фойе желания не было. Дед, косясь на меня с неодобрением, тоже остался сидеть. Его присутствие в театре, конечно, заметили и теперь раскланивались из партера, самые шустрые поспешили к нам в ложу выразить восторг и верноподданнические чувства. К счастью, наши чиновники оперу не жалуют и сегодня в театре их набралось не так много, так что мы легко пережили нашествие.

Второй акт я особенно любила, Савранская и впрямь была бесподобна, но какие бы грандиозные чувства ни разыгрывались на сцене, они не могли удержать моего внимания. Дед, внезапно очнувшийся от спячки и полезший ко мне с комментариями, как выяснилось, тоже не смог, к концу второго акта я уже дергалась, как вор-домушник без дела. Теперь я даже не пыталась делать вид, что происходящее на сцене меня интересует. Я неотрывно смотрела на Тимура. Уверена, он давно заметил меня, не мог не заметить. Человек он чувствительный, в смысле, с хорошо развитым чутьем, будь иначе, его карьера закончилась бы много раньше, и не стал бы он выдающимся бизнесменом, а был бы одним из многих, кому товарищи по оружию выбили скромную надпись на могильном камне «спи спокойно, брат». Тем более что мой взгляд успел достигнуть критической отметки, и висок Тимура уже должен прожигать насквозь. Но он предпочел делать вид, что меня не замечает. Ни разу не повернул голову, завороченно глядя на сцену, а я вдруг со страхом подумала, что, если мое

присутствие ему безразлично? И все это не притворство, а обычное равнодушие? Он избавился от наваждения и теперь свободен. Он избавился, а я нет? Все дело в музыке, это она рвет душу на части и заставляет страдать. Теперь он свободен. Разве не этого я хотела? Нет, не этого. Я хотела, чтобы он мне верил, чтобы он верил в мою любовь, вот только сама я в ней сомневалась. Все правильно, все так, как и должно быть. У него блондинка рядом, у меня Дед. И мы, столкнувшись раз, разлетелись в разные стороны как два бильярдных шара. И чем больше между нами расстояние, тем труднее все поправить. Ничего, музыка закончится, и боль пройдет. Надо только потерпеть.

В зале вспыхнул свет, Тимур не спеша поднялся. Его пресловутая выдержка ему не изменила, он так и не повернул голову в мою сторону. Уверена, исподтишка тоже не подглядывал, сказал себе: «Меня это не интересует», и все, как отрезал. Блондинка выглядела недовольной, музыка ее утомила. Тимур похлопал ее по плечу, сказал что-то насмешливое, повел к двери из ложи. Мгновение, и они скрылись из глаз.

– Не хочешь немного размяться? – неуверенно спросил Дед, приглядываясь ко мне.

– Нет.

– Боишься встретиться с ним? – теперь в голосе Деда звучало откровенное беспокойство.

– Боюсь, – честно ответила я, эта самая честность не пришлась ему по душе. Уверена, он бы предпочел другой ответ:

что мне нет дела до того, кто сидит в правой ложе, и прочее, прочее...

– Когда-нибудь это все равно произойдет, – подумав, философски изрек он.

– Лучше попозже, – съязвила я.

– Если бы мы расписались, все стало бы значительно проще, – быстро проговорил он и отвернулся, а я кивнула.

Дед хорошо меня знает: будучи окольцованной, я не стану бегать на свидания к залетному любовнику. Я буду жарить ему котлеты, утюжить рубашки и выполнять поручения, которые он никому другому доверить не может. Образцово-показательная жена. С чужим ребенком. «Вы что все, спятили? – едва ли не в голос спросила я. – А может, на самом деле нет в моей истории ничего трагического, и все банально до оскомины во рту, и тысячи людей вокруг чувствуют то же и загоняют свою жизнь в привычные и приличные рамки. Трагедия, которую никто никогда не сыграет на сцене.

Я надеялась, что Тимур не вернется в ложу: блондинка убедит его, что сидение в театре не лучшее времяпрепровождение с красивой женщиной, есть занятия приятнее, и это будет для него хорошим предлогом уехать, но после третьего звонка они появились опять. Он помог девушке передвинуть стул, чтобы было удобнее, и повернулся в мою сторону. Мгновение – и наши взгляды встретились. Он посмотрел твердо и прямо, без насмешки, без желания поскорее отвести взгляд, он точно спрашивал: «Ну и что? Вот ты и вот

я, а между нами расстояние в сотню раз больше реального. Разве не этого ты хотела?» Тимур сел и отвернулся к сцене. Я тоже чуть развернулась, чтобы Дед не видел моего лица, его настороженное внимание уже действовало мне на нервы. «Вот так же Тимур досадливо отворачивается от меня», – со смешком подумала я. Травиата на сцене умирала, а я смотрела на Тимура и мысленно просила: «Не оставляй меня, мне больно, страшно, я совсем запуталась. Я знаю, что сама во всем виновата... помоги мне, пожалуйста, помоги». Должно быть, моя мольба его не достигла, а может, ему наплевать на мою мольбу, он так ни разу и не повернулся. Что ж, отсутствие ответа тоже ответ. Спектакль закончился, зрители аплодировали стоя.

– Идем, – позвал Дед. – Терпеть не могу этой толчеи на выходе.

Я поднялась и пошла следом за ним к двери. Зрители стали покидать зал, Дед заторопился. Но тут перед нами возникла дама с платиновыми волосами, из фонда «Солдатских матерей» или что-то в этом роде.

– Игорь Николаевич, – решительно начала она. – Мне надо с вами поговорить.

– Дорогая, – с разнесчастным видом вздохнул Дед. – Давайте встретимся завтра, нет, лучше в четверг. Я все помню... – заверил он, но дама успела схватить его за руку.

– Всего пять слов.

Дед кивнул, поняв, что отвертеться не удастся (как истин-

ный джентльмен, он не мог себе позволить грубость с женщиной), но свои пять слов дама так и не сказала, потому что в фойе появился Тагаев под руку с блондинкой. Впрочем, дама на его появление поначалу никакого внимания не обратила, как и остальные граждане, зато уж потом все только на нас и пялились. Тагаев, вне всякого сомнения, намеревался пройти мимо, я напряженно ждала, когда он приблизится. Просто кивнет или поздоровается? Сделать вид, что Деда не заметил, он не может, это, в конце концов, невежливо.

Он действительно кивнул, особо не мудрствуя, его взгляд переместился на мою физиономию, он и мне кивнул и даже улыбнулся, вполне по-товарищески, и вдруг встал как вкопанный и начал медленно бледнеть. Взгляд его уперся в мой живот. Вот тут и стало ясно: мое интересное положение для него новость. Успей кто-нибудь шепнуть ему, не стал бы он так реагировать.

Девушка, не понимая, почему он застыл, попробовала привести его в чувство, пискнула:

– Милый... – «милый» взглянул на нее так, точно видел впервые, и сделал шаг ко мне.

– Ты... – начал он, но с красноречием у него вышла беда. Дальше «ты» дело не пошло, бледность в лице исчезла, теперь оно пылало, а взгляд меня испугал, я-то знала, на что способен Тимур в припадке бешенства, и инстинктивно прикрыла живот руками. Этот жест вызвал у него нервную судорогу. – Ты... – повторил он и наконец-то нашел нужное

слово: – Дрянь...

– Прекрати, – прошипел Дед, пытаюсь обойти назойливую даму, Тимур сделал шаг вперед, а Дед, испугавшись, что тот меня ударит, шагнул навстречу, хватая его за руку. Тимур отшвырнул его легко, точно Дед был подростком, а не здоровым мужиком. – Ты что, спятил? – рявкнул Дед так, что я невольно вздрогнула, потом схватил Тимура за руку и тихо сказал: – Опомнись, что ты делаешь?

– Ненавижу, – глядя на меня и совсем не реагируя на Деда, прошептал он и покачал головой: – Ты... чтоб ты сдохла. – Припадок закончился так же неожиданно, как и начался. Он повернулся к Деду, буркнул: – Пусти... – и, одернув рукав пиджака, пошел к выходу.

Блондинка, опомнившись, бросилась за ним. Я тоже очнулась от зимней спячки и с досадой посмотрела вокруг. Благодарные зрители начали расходиться, платиновая дама, кашлянув, пробормотала «в другой раз» и отчалила.

– Как ты? – спросил Дед и обнял меня, как в детстве, прижимая к своему плечу.

– Отлично.

– Идем.

В машине по дороге домой он смотрел в окно, потом не выдержал и произнес:

– Я ведь тебя предупреждал. С Тимуром так нельзя. Ты должна была сказать ему... еще тогда. Послушай, возьми от-

пуск, поезжай куда-нибудь. Отдохнешь... Есть отличный санаторий, просто рай для беременных...

– Тебе-то откуда знать? – усмехнулась я.

– Нет, в самом деле. Тебе надо уехать.

– Если тебя беспокоит Тимур, то напрасно. Он меня не тронет. – Если честно, я была не очень-то уверена в этом. Дед внимательно посмотрел на меня, точно прикидывая, стоит принять к сведению мои слова или нет, и, наконец, кивнул.

Всю ночь я не спала, лежала, обнявшись с Сашкой, и таращилась в темноту. Дед прав, я должна была сказать Тагаву. У меня была причина молчать, но теперь мои причины никого не волнуют. Тимура уж точно. Еще вчера мы хотя бы числились друзьями, а сегодня уже враги.

Утром мир за окном вызвал у меня отвращение, но я восприняла это как должное. Утро не самое удачное для меня время. К обеду, глядишь, оптимизм поперет. Я погуляла с Сашкой и отправилась на работу, Дед уехал раньше. Только я, приткнув свою машину на стоянке, начала подниматься по лестнице, как меня окрикнули:

– Ольга Сергеевна...

Я повернулась и в нескольких шагах от себя увидела Влада. Он мял в руках кепку и, судя по всему, очень волновался.

– Привет, – кивнула я.

– Здравствуйте. Я ждал вас...

– Это я уже поняла. Ждал, и что?

– Я... я вернул телефон.

– Не жди, что я скажу тебе спасибо, – усмехнулась я.

– Да, конечно... – чувствовалось, он совсем растерялся.

Вздыхнув, я подошла ближе.

– Ну, в чем дело?

– Мне надо с вами поговорить.

– Вот как? – Я внимательно посмотрела на него. Что-то в том, как он нервно оглядывался, не позволило мне с ходу послать его к черту. У парня проблемы. Конечно, его проблемы – дело не мое, но выслушать человека можно.

– Идем в машину, – скомандовала я.

Мы устроились в «Феррари», и Влад принялся с интересом оглядываться, на время забыв о разговоре. Я не торопилась, собственно, особо спешить мне было некуда, а интерес парня к технике вполне понятен.

– Классная тачка, – вынес он вердикт.

– Ага. Мне тоже нравится. Перейдем к делу?

– Что? Ах, да... – он посерьезнел и теперь кусал губы, видно, решал, с чего начать. – У меня есть друг, Витя Симушин, хороший парень. Он исчез.

– Что значит исчез? – нахмурилась я.

– Исчез, – пожал Влад плечами. – Вечером мы расстались, он поехал домой, и с тех пор больше его никто не видел.

– Родители в милицию заявили?

– Само собой. Но там не особо прониклись, говорят, может, у друзей болтается.

– Мобильный у него есть?

– Конечно. Только он отключен. Я ему еще в тот вечер звонил и очень удивился, что он не отвечал. Совсем это на Витьку не похоже.

– Да, странно, конечно. Но будем надеяться, что Витька твой цел и в самом деле загулял.

– Вы поможете? – неуверенно спросил Влад.

– В каком смысле? А... Ментов напрямую, конечно.

– Дело не в этом, – вздохнул Влад и отвернулся.

– А в чем? – подождав немного, спросила я.

– Я к вам почему пришел-то... – наконец заговорил он. – Это все из-за Ваньки. Он мне рассказал, как вы с ним... ну, помогли ему. Сколько народу на площади было, а помогли только вы. И меня ловко разыскали. Я у матери о вас спрашивал и вообще навел справки, одним словом. – Он опять замолчал.

– Интересно, – покачала я головой. – Ну и что ты на меня накопал?

– Много всего. Знаете, вы очень похожи на Филиппа Марлоу, только он мужчина, а вы женщина.

– Детективы читаешь?

– Читаю. Марлоу мне нравится.

– А мне нет. Кстати, между нами есть существенная разница. Он человек небогатый и на хлеб себе зарабатывал частным сыском, а у меня денег куры не клюют.

– Это я тоже знаю, – кивнул Влад и серьезно добавил: –

Помогите, пожалуйста. Витя мой друг.

Я все-таки смутилась и начала объяснять, злясь на себя за то, что мои слова звучат как оправдание.

– Лучше, чем милиция, с этим никто не справится, можешь мне поверить... – Тут я еще раз взглянула на парня и со вздохом спросила: – Есть что-то еще...

Он кивнул.

– И ты не хочешь рассказать об этом в милиции?

– Не могу. Я слово дал.

– Вот как. Что ж, тогда рассказывай мне.

– Вы поможете? – спросил он с облегчением.

– Пока не знаю, – разозлилась я. – Рассказывай.

– Мы болтались на Соборной площади, там всегда полно народа. Витька разработал план, появляемся с разных сторон, встречаемся в центре площади, а потом опять врассыпную. Конечно, каждый должен вернуться с трофеем, – покосившись на меня, добавил он.

– Это что-то вроде игры?

– Вроде. Витька называет это «потрясем буржуев».

– А сами вы, конечно, пролетарии. У Витьки батя слесарем на заводе работает?

– Нет. Он бизнесмен.

– Ну вот, и тряс бы папу, а ты маму... – Он, конечно, обиделся, но вида не показал, так велико было его беспокойство. – Ладно, рассказывай дальше о ваших подвигах.

– Знаю, о чем вы думаете, – тихо заметил он. – Герой, у

мальчишки мобильный выхватил...

– Конечно, думаю. А тебя такие мысли не посещали?

– Когда летишь на скорости, не видишь кто и что, главное, успеть схватить и лететь дальше.

– И что такого успел схватить твой дружок?

Теперь Влад испугался.

– Откуда вы знаете?

– Нетрудно догадаться, – пожала я плечами. – Так что?

– Бумажник. Место сбора у нас в тот раз было на Мичурина, от Соборной площади довольно далеко, и там мы чувствовали себя в безопасности. С площади я рванул на север, и мне пришлось сделать большой крюк, так что на Мичурина я оказался последним. Все наши были уже там, и Витька хвалился, что бумажник выхватил у одного толстяка, тот даже сообразить не успел, что к чему. Сидел за столиком в кафе «У Марка», вроде за столом их было двое или трое. Толстый собрался расплачиваться, Витька вырвал у него бумажник из рук и смылся. Мне это не понравилось, Витьку могли догнать, а бумажник – это серьезно.

– Не обольщайся, за мобильный получил бы столько же.

– Да? – вроде бы не поверил он.

– Да. Что было в бумажнике?

– Деньги. Немного. Тысячи две. Банковские карточки, одна золотая. Но бумажник и карточки Витька по дороге выкинул, оставил только деньги. Еще там была половинка банкноты, однодолларовая купюра, разорванная пополам. А на

ней надпись по латыни, по крайней мере, буквы латинские: «to», а дальше «mori». Я сразу вспомнил «помни о смерти». «Memento mori» – только два первых слога отсутствуют.

– Восхищена твоими познаниями, дальше что?

Влад некоторое время молчал, разглядывая меня, потом заговорил как-то неуверенно.

– Эта банкнота показалась нам очень странной. Зачем хранить половинку доллара? И эта надпись. Такое впечатление, что купюру нарочно разорвали, часть надписи осталась на одной половинке, часть на второй. Это вроде пароля, понимаете?

– Слушай, а ты эти шпионские страсти, часом, не придумал? – усомнилась я в достоверности рассказа.

– Зачем?

– Ну... просто скучно стало. Нет? Ладно, валяй дальше.

– Весь вечер мы гадали, что это может быть.

– Место, где он бумажник выкинул, Витька помнил?

– Конечно. Но его там нет. Мы в тот же вечер проверили.

– Хотели узнать фамилию?

– Хотели. Витька утверждал, что мужика сможет узнать.

Он предложил вернуться на площадь. Я был против. Но никто со мной не согласился. Всем хотелось понять, что это за доллар такой. И никто не подумал, что это может быть опасно. Когда я заикнулся о милиции, меня вообще высмеяли. И взяли слово, что я буду молчать.

– Минусы военной демократии, индивидуумы вынужде-

ны подчиняться решению большинства, говоря попросту, «с волками жить – по-волчьи выть». Вы вернулись на площадь?

– Да.

– И какую цель перед собой ставили?

– Найти мужика.

– Зачем идти всем, если видел его один?

– Мы Витьку прикрывали, мало ли что... В этот раз мы не трясли буржуев, просто катались. Ну и осматривались.

– С чего вы взяли, что мужик все еще на площади?

– Почему бы и нет?

– Хорошо. Что дальше?

– Ничего. Мужика Витька не увидел, мы до двенадцати ночи торчали на площади, народ начал расходиться... ну, и мы тоже. Нам с Витькой по пути, проводили его подругу и покатались дальше. На Воронцова нам в разные стороны, мы простились, я отъехал метров на пятьдесят и обернулся. Сам не знаю почему. И увидел машину. Черный «Ягуар». Очень медленно он выехал из переулка и направился за Витькой.

– Та-ак... – я почесала нос. – Ты попытался предупредить приятеля? Крикнуть, к примеру?

– Нет, – покачал головой Влад и отвернулся. – Если честно, я об этой машине подумал позднее. Уже когда домой пришел. Все нормально было, и вдруг точно в замедленной съемке: Витька и эта тачка, и... мне нехорошо стало. Вроде предчувствия. Я стал ему звонить. Мобильный был отключен. Тогда я позвонил на домашний. Отец сказал, что Витька

не вернулся. Странно, он ведь домой покати́л. Так я и сказа́л отцу, но он тогда не особо забеспокоился, Витька мог вообще дома не появиться. Я пошел его искать. Я ведь хорошо знаю, где он обычно тусуется, но на роликах в ночной клуб не пойдешь. Значит, где-то на улице. Витьку я так и не нашел. Без конца набирал его номер, телефон был отключен. К вечеру следующего дня и его предки забеспокоились, тоже искали, все без толку. Заявили в милицию. – Он замолчал, напряженно глядя на меня.

– Значит, ты считаешь, что исчезновение твоего друга напрямую связано с тем, что он украл бумажник?

– Конечно. Вы сами подумайте: банкнота эта и машина...

– Допустим, с машиной еще ничего не ясно, а банкнота... может, это какой-то талисман. На свете полно чудаков, чего только не таскают в бумажниках на счастье.

– Но ведь Витька пропал...

– Похоже, что так. Однако ты сам говоришь, не явиться домой для него обычное дело.

– Так долго он никогда не отсутствовал. И телефон не отключал. Если он в городе, кто-то из наших его бы видел, а Витька просто исчез. Понимаете?

– Понимаю, – кивнула я и с тоской посмотрела вдаль. Какого хрена я опять лезу не в свое дело? Но уже было ясно: полезу. Хотя так и не смогла понять почему. Может, Дед прав и это от безделья? – То, что ты промолчал в милиции – объяснимо: не хотел дружка подставлять. Но... если все так и

Витька твой исчез из-за своей дурацкой выходки, то ментам об этом лучше знать.

– Я не могу, – замотал он головой. – Я слово дал.

Я посмотрела на него и кивнула.

– Ладно, попробую помочь.

– Спасибо, – обрадовался Влад, а я усмехнулась.

– Пока не за что. Лена Зотова из вашей компании?

Вопрос вызвал у него беспокойство. Хоть он и обратился ко мне за помощью, но откровенностью ошеломлять не спешил и о друзьях предпочитал помалкивать. Но после некоторого колебания все же ответил и соврать не решился.

– Да.

– Тоже буржуев трясет?

Он удрученно кивнул, а я головой покачала.

– У девчонок это считается особым шиком, – счел необходимым пояснить он.

– Извини, но, по-моему, вы дурака валяете. Буржуи по Соборной площади не ходят. Там в основном граждане, для которых потеря мобильного телефона целая драма, так что получается, что вы не веселые ребята из Шервудского леса, а обычная уличная шпана. Я ясно излагаю?

– Ясно, – вздохнул он, пряча взгляд.

– Еще вопрос. Куда вы дели половинку банкноты?

– Витька ее у себя оставил. Мы же хотели выследить этих типов.

– И что?

– Ну, не знаю.

– Грустно, – вздохнула я. – Прежде чем что-то затевать, не худо бы определиться: с какой целью прилагаете усилия, то есть какой результат желаете получить. – Тут я некстати о себе подумала, мне бы тоже не худо определиться, а то болтаюсь по жизни, точно цветок в проруби. – К Лене ты зачем приезжал? Хотел предупредить, что я была у твоей матери?

– Нет, – покачал он головой. – Витьку искал, она его де-вушка, вот я и подумал, может, он ей звонил.

– Так, интересно. В тот вечер вы ее провожали?

– Ее. А что?

– Да так, удивляюсь, как тесен мир. Ладно, мне на работу пора. Вот мой номер телефона, если что – звони. И еще. Пока не ясно, что с Витькой, постарайтесь по улицам не болтаться. А с воровством завязывайте, не то очень быстро окажетесь за решеткой.

– До свидания, – пробормотал он и вышел из машины.

Я подождала, пока он дойдет до троллейбусной остановки, и отправилась в свой кабинет.

На срочные дела ушло часа три. Я подумала, что не мешало бы мне навестить дорогого друга, поболтать о том о сем и переложить на него поиски Витьки, но застыдилась: Артем вряд ли мне скажет спасибо за такой подарок, у него своих дел невпроворот. Однако, несмотря на внезапный припадок совестливости, увидеть Вешнякова захотелось еще больше. Последнее время встречались мы редко. Ко мне домой он

наведываться не решался, раз это теперь не мой дом, а Деда, я к нему тоже не заглядывала, на работе он занят, а дома его застать проблематично, да и отрывать Артема от семьи в редкие часы отдыха было бы форменным свинством. Раньше мы регулярно пили пиво, с этой целью вызванивая третьего собутыльника, бывшего начальника Дедовой охраны, а ныне сотрудника и, по сути, главу крупнейшей в области охранной фирмы Олега Лялина. Но с пивом мне пришлось завязать, так что теперь мужики этому пороку предавались без меня, о чем я весьма сожалела. По дороге к машине я позвонила Вешнякову.

– Смотри-ка, вспомнила, что я есть на белом свете, – принялся ехидничать Артем. – Я уж начал думать, что менты для тебя теперь публика неподходящая.

– Конечно, неподходящая. Но сердцу не прикажешь. Люблю, тоскую, жажду видеть. Ты как?

– Я всегда готов.

– Ты у себя?

– Ага. Приезжай, может, в моей жизни прибавится светлого.

– Конечно, прибавится. Жди. Через полчаса сольемся в экстазе. – Он довольно хихикнул, и мы простились.

Кабинет Вешнякова располагался на втором этаже. Его коллеги, которых немало сновало по коридорам, поглядывали на меня с интересом. Надо сказать, что мы с Вешняко-

вым успели оставить заметный след в истории местного сыска, ввязываясь в расследования, которые не приносили ему звездочек на погоны, а мне удовлетворения. Мало того, по большей части нам здорово доставалось, но охоту совать нос куда не просят это у нас не отбило. Артем утверждал, что «горбатого могила исправит», имея в виду меня, я с младенческой улыбкой на устах переадресовывала сие выражение ему, Лялин обычно хихикал, хотя в этом смысле был не умнее нас, потому что, зарекаясь с нами впредь не связываться, о зароке забывал, лишь доходило до дела. В общем, мы являли собой троицу абсолютно неисправимых искателей справедливости, хотя сильно сомневались в ее наличии вообще.

Артем сидел за столом. На его добродушной физиономии застыло выражение долгой муки, он вожделенно поглядывал в окно и томно вздыхал.

– Какие люди, – приветствовал он меня, поднялся, братски обнял и поцеловал. Хотел отстраниться, но я не позволила.

– Дай припасть к твоему плечу, – взмолилась я. – Остро нуждаюсь.

– В чем? – насторожился он, наученный горьким опытом, и попытался вырваться.

– Во всем, – лаконично ответила я, выпустила страдальца из объятий и устроилась напротив.

– Ой, блин, хороша-то как, – сказал он нараспев.

– Откровенная ложь и подхалимство тебя не спасут.

– Начинается. Я-то думал, ты по-товарищески заехала, водки выпить... хотя... – пригорюнился он и рукой махнул. – Какой теперь из тебя товарищ, одно недоразумение, – он посмотрел на мой живот, точно на досадную ошибку природы, и вздохнул.

– Рассказывай, как жизнь, – улыbnулась я.

– А ты просто так приехала или с умыслом? – заволновался он.

– Конечно, с ним. Но этикет следует соблюсти. Так что давай коротенько о жизни, и уж там я тебя осчастливлю.

– Что-то уже не хочется о жизни, – беспокойно заерзал он, приглядываясь ко мне. – Случилось чего?

– У меня ничего. Что там с твоим званием?

– Где-то затерялось, – скривился Артем.

– Да ладно, я сказала, помрешь генералом, так и будет.

– Нам бы полковника, – заныл Артем, почесал нос, не выдержал и засмеялся. – Не тяни душу, с чем пожаловала?

– Парнишка один исчез. Надо бы найти.

– Я потеряшками не занимаюсь.

– Погоди. Тут дело темное. Смахивает на шпионский триллер.

– И потому ты сразу ко мне? Премного благодарен. А что за парнишка? – проявил он интерес.

Я приступила к рассказу, в продолжение которого Артем хмурился все больше и больше.

– Дурацкая история, – вынес он вердикт.

– А я что говорю?

– Паренек нам, случаем, мозги не пудрит? Может, у них игра такая?

– Не похоже. Уж очень напуган.

– Акимов нам спасибо скажет, если мы ему этих роллеров на блюдечке поднесем, раскрываемость повысим. – Я поморщилась, а Артем возвысил голос. – И нечего мне рожи корчить. В тюрьме твоим ребятам самое место. Будет время о жизни поразмышлять, – не придумав, что бы еще такого сказать, Вешняков досадливо замолчал. Я еще немного выждала и спросила:

– Соображения есть?

– Сколько угодно.

– Меня не все интересуют, только те, что пацана пропавшего касаются.

– Ты говоришь, родители в ментовку заявили?

– Так Влад сказал.

– Посмотрим, что из этого выйдет. Если ничего, тогда подключимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.